

Г И Й О М
М Ю С С О

завтра

«История любви, которая
бросает вызов законам времени».

- LE FIGARO LITTÉRAIRE -

Гийом Мюссо

Завтра

Серия «Поединок с судьбой»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58136711

Завтра / Гийом Мюссо ; [пер. с фр. Е. Л. Кожеевниковой].: Эксмо;

Москва; 2015

ISBN 978-5-699-81391-9

Аннотация

Он – профессор философии в Бостонском университете, который горько оплакивает смерть жены. Она – сомелье в нью-йоркском ресторане, которая недавно рассталась с любимым человеком. Казалось бы – у них нет шансов встретиться. Но в наш век высоких технологий возможно всё. Мэтью становится владельцем ноутбука, некогда принадлежавшего Эмме, – так начинается их знакомство. А когда он понимает, что его новая приятельница живет в 2010 году, а он – в 2011-м, у него созревает дерзкий план. Теперь судьба Мэтью – в Эмминых руках. Ведь еще год назад его жена была жива, а значит, ее гибель можно предотвратить. Главное – уговорить Эмму ему помочь...

Содержание

Часть 1	5
День первый	5
1. Среди призраков	5
2. Мисс Ловенстайн	23
3. Письмо	36
4. «Незнакомцы в ночи»[10]	51
День второй	71
5. Только между нами...	71
6. Подстерегающие нас случайности	92
Часть 2	105
День третий	105
7. Параллели	105
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Гийом Мюссо

Завтра

*Любовь, известно, где не пройдет, сумеет
пролететь.*

У. Шекспир «Два веронца»

Guillaume Musso
DEMAIN

Copyright © XO Éditions, 2013. All rights reserved.

Перевод с французского *Екатерины Кожевниковой*

Художественное оформление *Петра Петрова*

© Кожевникова Е., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО

«Издательство «Эксмо», 2015

Часть 1

Случайные встречи

День первый

1. Среди призраков

Мы не те, кого показывает нам зеркало. Мы те, кто отражается в сияющих глазах.

Тарун Дж. Теджпал¹

Гарвардский университет

Кембридж

19 декабря 2011 г.

Амфитеатр переполнен студентами, но в аудитории мертвая тишина.

Стрелки на бронзовом циферблате старинных настенных часов показали два часа сорок пять минут. Лекция по философии молодого преподавателя Мэтью Шапиро близилась к

¹ Тарун Дж. Теджпал – знаменитый индийский журналист и главный редактор популярного еженедельника, включенный журналом «Business Week» в число пятидесяти людей, которые меняют современную Азию. Автор романа «Алхимия желания».

концу.

Эрика Стюарт, студентка двадцати двух лет, сидела на первом ряду и не сводила с преподавателя глаз. Вот уже целый час она безуспешно пыталась привлечь к себе его внимание, согласно кивая каждому его замечанию и всем своим видом показывая, как заворуженно она его слушает. Усилия пропадали втуне, однако безразличие преподавателя делало его образ еще притягательнее.

Моложавое лицо, короткая стрижка и пробивающаяся борода наделяли Мэтью Шапиро необыкновенным шармом в глазах студенток, и не одна вздыхала о нем. Потертые джинсы, высокие ботинки, водолазка – Мэтью был похож скорее на студента или аспиранта, чем на своих коллег, что с суровым видом шествовали по студенческому городку. Однако привлекательная внешность была не главным его достоинством, главным было красноречие.

Мэтью Шапиро был одним из самых популярных преподавателей в студенческом городке. Он преподавал в Кембридже пять лет, и на его лекции с каждым годом приходило все больше студентов. Молва о нем ширилась, и вот уже чуть ли не восемь сотен студентов записалось в следующем семестре на курс лекций по философии. Теперь преподаватель вынужден был их читать в самой большой из аудиторий Север-холла.

«Если философия не избавляет ум от страданий, она бесполезна».

Каллиграфически выведенная на доске максима Эпикура выражала суть лекций Мэтью.

Он стремился, чтобы его лекции были понятными и полезными беседами, и не любил загромождать их абстрактным теоретизированием. Поводом к рассуждению всякий раз становился реальный случай. Мэтью начинал беседу с разговора об обыденной студенческой жизни, с обсуждения проблем, знакомых каждому студенту: страха провалиться на экзамене, горя из-за разрыва с возлюбленным, тирании чужого мнения, поиска смысла в приобретении знаний... Поставив проблему, он призывал на помощь Платона, Сенеку, Ницше, Шопенгауэра. Благодаря живости изложения великие философы неожиданно оказывались не занудами из университетского учебника, а близкими добрыми друзьями, способными дать полезный и утешительный совет.

В своих умных, приправленных юмором лекциях Мэтью не брезговал и так называемой поп-культурой. Фильм, песня, мультик – все могло стать предлогом для философствования. Даже телесериалам нашлось место в его философском курсе. «Доктор Хаус» становился живым примером в разговоре об экспериментальном познании, робинзонада «Остаться в живых» давала повод порассуждать об общественном договоре, рекламщики из «Безумцев» помогали изучать эволюцию отношений между мужчиной и женщиной.

Но если «прагматическая философия» Мэтью сделала

его звездой студгородка, то из-за нее же ревнивые коллеги всячески клевали его и называли верхоглядом. По счастью, высокие баллы, которые получали на экзаменах ученики Мэтью Шапиро, их успех на студенческих конкурсах свидетельствовали пока в его пользу.

Группа энтузиастов даже засняла его лекции и выложила на Ютьюб. Их инициатива привлекла внимание одного журналиста из «Бостон Глоуб», и он написал о молодом преподавателе статью. Еще одна статья о нем появилась в «Нью-Йорк таймс», после чего Мэтью предложили создать «антиучебник» по философии. Он написал его. «Антиучебник» великолепно продавался, но популярность не вскружила голову Шапиро, он по-прежнему возился со своими студентами и заботился об их успехах. Однако светлая полоса вскоре сменилась черной. Следующей зимой Мэтью Шапиро потерял жену. Она погибла в автокатастрофе. Безвременная жестокая смерть угнетающе подействовала на философа. Он продолжал читать лекции, но увлеченность, которая воодушевляла всех, погасла, и лекции потускнели.

Эрика прищурилась, стараясь яснее рассмотреть преподавателя. Потеря надломил Мэтью. Черты его лица обострились, глаза погасли. Но траурная одежда, сумрачный взгляд, аура меланхолии еще опаснее для незащитного девичьего сердца.

Девушка прикрыла глаза и замерла, слушая низкий, хорошо поставленный голос, который заполнял аудиторию.

Голос, утративший энтузиазм, но сохранивший волшебное свойство – дарить уверенность в себе. Солнечные лучи лились через окна, согревая просторную аудиторию, светя в глаза средним рядам. Эрике стало так хорошо, так спокойно от умиротворяющих звуков бархатного голоса. Но каким коротким оказался светлый миг! Она вздрогнула от резкого звонка, возвестившего конец лекции. Не спеша стала складывать книги и тетради, дожидаясь, чтобы аудитория опустела, и тогда робко подошла к преподавателю.

– Что вы тут делаете, Эрика? – удивился Мэтью, узнав ее. – Вы прекрасно сдали курс философии в прошлом году. Вам нечего делать на моих лекциях.

– Я пришла благодаря афоризму Хэлен Роулэнд, который вы так часто цитировали.

Мэтью сдвинул брови, пытаясь вспомнить, какой именно из афоризмов имеет в виду девушка.

– «Больше всего мы сожалеем о тех безумствах, которые не совершили, когда была возможность». – Девушка призвала на помощь все свое мужество и продолжила: – Чтобы не сожалеть, я решила совершить безумство. В общем... В будущую субботу у меня день рождения, и я... Я бы хотела... Пригласить вас поужинать.

Глаза Мэтью слегка округлились от удивления, и он сразу же постарался вразумить свою ученицу.

– Вы же умница, Эрика, а значит, знаете сами все сто пятьдесят причин, по которым я откажусь принять ваше пригла-

шение.

– Но не потому, что вам оно неприятно, правда же?

– Не настаивайте, прошу вас, – оборвал он ее.

Эрика вспыхнула, оробев, застыдившись, пробормотала несколько слов в свое оправдание и пошла к двери.

Мэтью вздохнул, надел пальто, завязал шарф и тоже вышел на улицу студгородка.

* * *

Зеленые газоны, красивые здания из темного кирпича с девизами, выведенными по-латыни на фронтонах, – неподвластный времени Гарвард был пронизан британским духом.

Выйдя за порог Север-холла, Мэтью закурил сигарету, закинул рюкзак за плечо и направился к Ярду, обширному двору-парку, откуда на километры разбегался лабиринт дорожек, ведущих к учебным корпусам, библиотекам, музеям, общежитиям.

Парк тонул в мягком осеннем свечении. Вот уже десять дней неожиданное для осени солнце дарило обитателям Новой Англии тепло бабьего лета, особенно отрадное в эту пору.

– Господин Шапиро! Отбейте мяч!

Мэтью повернул голову в сторону, откуда донесся голос. К нему летел футбольный мяч. Он ловко поймал его и отправил обратно к игрокам в квотербэк, которые его и оклик-

нули.

На всех лавочках Ярда сидели студенты с открытыми ноутбуками на коленях. С лужаек доносился смех, всюду велись оживленные разговоры. Здесь как нигде ощущалось дружелюбие молодежи самых разных национальностей. Здесь соседство разных культур складывалось в богатство. Серый и бордовый, два цвета-фетиша знаменитого университета, мелькали на футболках, куртках, рюкзаках. Желание быть гарвардцами преодолеvalo различия.

Проходя мимо Массачусетс-холла, монументального здания в георгианском стиле, где располагалась дирекция и общежитие первокурсников, Мэтью опустил руку с сигаретой вниз. Но не тут-то было! Мисс Мур, главная помощница ректора, стоявшая на ступеньках, сердито взглянула на преподавателя и призвала его к порядку: «Господин Шапиро! Сколько раз я должна вас предупреждать, что курить в студгородке запрещено!» И присовокупила еще несколько слов о вреде табака.

Мэтью и не взглянул на нее. С неподвижным лицом прошел мимо. Он хотел было ответить, что умереть для него плевое дело, но сдержался. Еще несколько шагов, и он, миновав массивные ворота, вышел за ограду студгородка и очутился на Гарвард-сквере.

Сквер на самом деле был обширной, гудящей, как улей, площадью, занятой палатками, книжными магазинчиками, маленькими ресторанами и кафе с террасами, на которых сидели студенты и профессора, одни, продолжая читать лекции, другие переустраивать мир. Мэтью порылся в кармане и вытащил проездной. Он уже двинулся по пешеходной дорожке по направлению к станции метро, собираясь сесть на красную линию и через четверть часа быть в центре Бостона, как вдруг старенький «Шевроле Камаро Купе» ярко-красного цвета вылетел, фыркая, из-за угла Массачусетс-авеню и Пибоди-стрит. Молодой преподаватель резко отпрянул назад, чтобы не попасть под колеса автомобиля, что со скрежетом затормозил прямо перед ним.

Стекло опустилось, и Мэтью увидел перед собой русую гриву Эйприл Фергюсон, своей соседки. После смерти Кейт он стал сдавать верхний этаж своего дома.

– Хэлло, брюнет-красавчик! Подвезти?

Мотор «Камаро» оглушительно рычал в тихой заводи, где ездили в основном на велосипедах.

– Спасибо, отдаю предпочтение городскому транспорту, – отклонил Мэтью любезное предложение. – Ты гоняешь, будто играешь в «Жажду скорости».

– Да ладно! Брось свои пешеходные замашки! Я вожу от-

лично, и ты это знаешь!

– Не настаивай. Эмили уже лишилась матери. Не хочу оставить дочь сиротой в четыре с половиной года.

– Не преувеличивай! Давай влезай скорее, а то я тут все движение перегородила!

Подгоняемый со всех сторон яростными сигналами, Мэтью покорился и со вздохом упал на сиденье «Камаро».

Едва он успел застегнуть пояс безопасности, как «Камаро» вопреки всем правилам дорожного движения резко вильнул влево и помчался на бешеной скорости на север.

– Бостон в другую сторону, – успел сообщить Мэтью, схватившись за ручку дверцы.

– Мы на секунду смотаемся в Белмонт. Тут езды всего ничего. А за Эмили не беспокойся, я попросила няню посидеть еще часок.

– Не предупредив меня? Я же тебе говорил...

Молодая женщина снова нажала на акселератор, и они помчались так, что у Мэтью перехватило дыхание. Олимпийски спокойная Эйприл снисходительно покосилась на него и протянула картонную папку.

– У меня, кажется, появился покупатель на эстамп Утамаро, – объявила она. – Усек?

Эйприл была хозяйкой галереи в Соут-Энде, специализирующейся на эротическом искусстве. Женщина обладала поистине редким даром находить среди хлама неведомые шедевры и перепродавать их потом с немалой выгодой.

Мэтью начал с того, что освободил папку от резинок, а японский эстамп от кофточка из настоящего шифона, в которую он был завернут. Эстамп оказался шунгой² конца XVIII века, изображал куртизанку и ее клиента во время акта любви. Образец этакой чувственной акробатики. Откровенность сцены смягчалась изысканностью рисунка и богатством тканей. Лицо гейши чаровало тонкостью и изяществом. Ничего удивительного, что такого рода гравюры так полюбились потом Климту и Пикассо.

– Ты уверена, что хочешь с ней расстаться?

– Я получила предложение, от которого не отказываются, – сообщила она голосом Марлона Брандо из «Крестного отца».

– Можно поинтересоваться, от кого?

– От крупного коллекционера-азиата. Он в Бостоне проездом, навещает дочь. Похоже, он готов совершить покупку, но в городе всего на один день. Такая возможность, как ты понимаешь, еще раз скоро не представится...

«Шевроле» выехал из студенческого квартала и покати по скоростной дороге вдоль Фреш Понда, самого большого озера в Кембридже, а потом дальше в Белмонт, небольшой жилой городок западнее Бостона. Эйприл ввела адрес в GPS и стала следовать указаниям механического голоса, который привел их в очень богатый и очень уютный квартал. Окруженная деревьями школа, за ней площадка для игр,

² Японская гравюра эротического содержания.

парк, спортивный комплекс. Неподалеку стояла даже тележка с мороженым, которую продавец привез сюда, словно бы из 50-х. Несмотря на запрет, «Камаро» обогнал школьный автобус и остановился на тихой, застроенной небольшими особняками улочке.

– Ты со мной? – спросила Эйприл, забирая у Мэтью папку. Мэтью отрицательно покачал головой.

– Лучше подожду тебя в машине.

– Я задерживаться не собираюсь, – пообещала Эйприл, посмотрев в зеркало заднего вида и напуская волнистую прядь на правый глаз, как это делала Вероника Лейк.

Достав из сумочки помаду, она подкрасила губы, довершив этим последним штрихом образ роковой женщины в красной кожаной куртке в обтяжку и в футболке с глубоким вырезом.

– А не слишком ли вызывающе? – подначил приятельницу Мэтью.

– «Я совсем не плохая, меня так нарисовали», – промурлыкала она в ответ голосом Джессики Рэббит из мультяшки «Кто подставил кролика Роджера».

И наконец-то выпрямив свои длинные ноги в легинсах, зашагала к дверям самого большого коттеджа на этой улице.

Мэтью смотрел ей вслед. Эйприл нажала на звонок. По части сексапильности она могла дать кому угодно сто очков вперед: идеальные пропорции, осиная талия, потрясающая грудь. Воплощение мужских грез! Но – увы! – Эйприл люби-

ла не мужчин, а женщин и всегда и всюду объявляла о своем пристрастии к однополой любви.

По этой, кстати, причине Мэтью и взял ее себе в соседки, зная, что никакие двусмысленности ему не грозят. К тому же Эйприл была умницей, фантазеркой, умела пошутить и повеселиться. Хотя характер у нее был не из лучших, в выражениях она не стеснялась и порой впадала в страшный гнев по пустякам. Однако как никто умела ладить с малышкой Эмили, а это было для Мэтью дороже всего на свете.

Эйприл исчезла за дверью, и Мэтью перевел взгляд на другую сторону улицы. Мапочка с двумя малышами украшали сад перед домом, готовясь к Рождеству. Да, действительно, до Нового года осталось немногим больше недели, и при мысли об этом он снова почувствовал острую тревожную боль. Близилась годовщина смерти Кейт: ужасный день 24 декабря, превративший в 2010 году его жизнь в тоску и мучение.

Три первых месяца после катастрофы Мэтью чувствовал только неутолимую боль. Она не отпускала его ни на секунду. Опустошала. Мучила. Разверстая рана. Впившийся вампир, высасывающий жизнь. Пытаясь избавиться от пытки, он готов был на самые радикальные средства: подходил к окну, готовясь выпрыгнуть, искал крюк, куда привяжет веревку, хватался за таблетки, собираясь выпить смертельный коктейль, приставлял дуло к виску. Останавливала мысль о маленькой Эмили: с ней-то что будет без него? Он не имел

права отнимать отца у своей дочери, не имел права уродовать ей жизнь.

Бурное горе первых месяцев сменилось унылым туннелем тоски. Жизнь замерла, остановилась, завязла в безнадежности, которой не виделось ни конца ни края. Мэтью не сопротивлялся, он покорно терпел свою беду, наглухо закрывшись от жизни. Потеря была невозполнимой. Будущего не существовало.

По совету Эйприл он все же совершил невероятное усилие и записался в группу поддержки. Сходил на одно занятие, попытался найти слова, чтобы выразить свое горе и разделить его с другими, но больше ходить туда не стал. Чем могли помочь ему дежурные фразы сочувствия и чужие житейские уроки? Он предпочел свое одиночество и бродил по нему, словно призрак, ничего не желая, ничего не ожидая. Отсутствуя.

Но прошло какое-то время, и ему стало казаться... Не то чтобы он ожил. Нет. Ему показалось, что боль понемногу отпускает его. Просыпаться было по-прежнему невмоготу, но в Гарварде, во время лекций или на совещаниях преподавателей по профориентации, в которых он теперь участвовал без прежней активности, ему вдруг становилось как будто немного легче.

Он не стал таким, каким был, но словно бы мало-помалу смирялся со своим новым состоянием, с головой уходя в философию, которую преподавал студентам. Фатализм сто-

иков и бесстрашие буддистов помогали ему терпеть жизнь такой, какая она есть: изменчивой, заведомо лишенной стабильности, постоянно эволюционирующей. В ней ничего не стояло на месте. А счастье? Хрупкое, как стекло, оно было всего лишь кратковременным жизненным опытом...

Теперь, дорожа мелочами, он вновь начинал ощущать, что у жизни есть вкус. Прогулка в солнечный день с Эмили, футбольный матч со студентами, удачная шутка Эйприл. Из этих малостей он строил плотину, которая не позволяла бы разливаться горю, не подпускала бы его, удерживала на расстоянии.

Но плотина оказывалась непрочной. Боль подтачивала ее, прорывалась, хватала за горло. Достаточно было пустяка, чтобы горе вновь разнуздывалось, бушевало, топило в воспоминаниях. На улице женщина обдала ароматом духов Кейт... Мелькнул плащ того же фасона... По радио передавали песенку, которую они любили слушать, когда были так счастливы... Фотография, случайно найденная в книге...

В последние дни ему снова стало намного хуже. Приближение ужасной годовщины и радостные предновогодние хлопоты – все было связано с Кейт, все о ней напоминало.

Уже не раз он просыпался посреди ночи с бьющимся сердцем, мокрый от пота, мучимый одним и тем же воспоминанием: кошмаром последних минут Кейт. Мэтью сразу же примчался в больницу, когда туда с места аварии доставили Кейт. Но ее коллеги (а она была врачом) ничего не могли

сделать, чтобы вернуть ее к жизни. Он встретился со смертью лицом к лицу. Смерть отобрала у него женщину, которую он любил. Им с Кейт было отпущено всего четыре года счастья, но какого!.. Полного совершенного взаимопонимания! За четыре года люди только намечают тот путь, который пройдут вместе. Их путь оборвался. Но встреча была уникальной, такое не повторяется. Стоило Мэтью подумать об этом, и он снова впадал в отчаяние.

Слезы выступили у Мэтью на глазах, когда он заметил, что крепко сжимает обручальное кольцо, которое по-прежнему носил на безымянном пальце. Сердце у него колотилось, как сумасшедшее, пот выступил на лбу. Он опустил стекло, нащупал в кармане джинсов успокоительное и положил таблетку под язык. Лекарство медленно таяло, химия действовала. Пройдет несколько минут, и сердцебиение выровняется. Мэтью прикрыл глаза, помассировал веки, сделал глубокий вдох. Чтобы окончательно успокоиться, ему нужна была сигарета. Он вышел из машины, запер дверь, сделал несколько шагов по тротуару, закурил и глубоко затянулся табачным дымом.

Горечь никотина мягко обволокла горло. Сердце забилось ровнее, и он сразу почувствовал себя гораздо лучше. Прикрыв глаза, подставив лицо осеннему ветерку, Мэтью наслаждался сигаретой. Отличная погода. Сквозь ветви светило солнышко. И до чего тепло! Даже подозрительно! Несколько минут Мэтью так и стоял неподвижно, не открывая глаз, на-

слаждаясь покоем. Потом открыл глаза и увидел, что в конце улицы возле одного из коттеджей собралась небольшая толпа. Он двинулся туда, ему стало любопытно, что там такое. Коттедж, типичный для Новой Англии: двухэтажный дом, обшитый досками, с высокой, будто на кафедральном соборе, крышей и множеством окон.

Перед домом на лужайке хозяева устроили что-то вроде распродажи. Этакое «опустошение чердака», какие нередко устраивают в этих краях, где люди меняют свои жилища не меньше пятнадцати раз за жизнь.

Мэтью смешался с толпой зевак, что сгрудились на лужайке. Распродажей руководил мужчина примерно его лет, лысый, в квадратных очках, с нахмуренными бровями и бегающими глазами. В черном с головы до ног, он держался очень прямо и чем-то напоминал квакера. Рядом с ним сидел песочного цвета шарпей и грыз игрушечную кость из латекса.

Школьные занятия только-только кончились, так что время для распродажи было выбрано самое подходящее: на лужайку мигом налетела желающая погулять ребятня. Да и вещи, которые продавались, были соответствующими: деревянные рамочки, сумка для клюшек для игры в гольф, бита и перчатки для бейсбола, старая гитара Гибсон... К ограде прислонился велосипед ВМХ, традиционный новогодний подарок начала 80-х, рядом с ним роликовые коньки и скейт-борд. Мэтью побродил между столиков, рассеянно взглянул на навал игрушек, которые сразу напомнили ему детство: йо-

йо с деревянными светлыми дисками, кубики-рубик, детские книжки вроде «Гиппопотама-жадины», летающая тарелка, «Эрудит», гигантский плюшевый пришелец из космоса, фигурки персонажей из «Звездных войн»... Цены бросовые. Владелец и впрямь хотел избавиться от всего, что тут было, и как можно скорее.

Мэтью направился к выходу, собираясь покинуть развал, но тут его взгляд упал на пятнадцатидюймовый MacBook Pro. Не самая последняя версия этой модели, скорее всего, предыдущая или даже чуть раньше.

Мэтью подошел, взял ноутбук в руки и стал рассматривать со всех сторон. На алюминиевом корпусе красовалась виниловая самоклеящаяся картинка: Ева, похожая на красавиц Тима Бёртона, изысканная, сексуальная, и в руках у нее яблоко, напоминающее логотип знаменитой фирмы Apple. Внизу под картинкой можно разобрать подпись «Эмма Л.». Вот только непонятно, то ли это подпись художницы, которая ее нарисовала, то ли автограф бывшей владелицы ноутбука.

«А почему бы и нет?» – подумал Мэтью, еще раз взглянув на фирму. Его старенький Powerbook отдал богу душу в конце лета. Конечно, дома у него стоял персональный компьютер, но без ноутбука тоже не обойтись. Хотя вот уже три месяца он этот расход откладывал на потом.

Ноутбук оценили в четыреста долларов, и Мэтью счел эту цену разумной. Сейчас он не купался в золоте, так что мож-

но было считать, что подвернулась удачная покупка. Преподавательская зарплата в Гарварде была вполне приличной, но после смерти Кейт он решил во что бы то ни стало сохранить их дом в Бэкон-Хилл, даже если это было ему не совсем по средствам. Потому-то он и стал сдавать верхний этаж Эйприл, но даже с платой, которую она вносила, выплаты по кредиту съедали три четверти его доходов, оставляя ему весьма скудные возможности для маневров. Он даже вынужден был продать свой коллекционный «Триумф» 1957 года, мотоцикл, которым так гордился.

Мэтью подошел к продавцу и показал ему ноутбук.

– Он ведь в рабочем состоянии, не так ли?

– Нет, одна коробка для виду! Разумеется, он работает, иначе бы я его не продавал за такую цену! Это компьютер моей сестры, я сменил ему жесткий диск и операционную систему, так что он теперь как новенький.

– Отлично, тогда я его покупаю, – решил Мэтью, поколебавшись пару секунд.

Он достал бумажник и с огорчением обнаружил, что у него только триста десять. Смущенный, он попытался поторгаться, но продавец заявил, что о снижении цены не может быть и речи. Мэтью обиделся, пожал плечами и собрался уходить, но за спиной вдруг услышал веселый голос Эйприл.

– Разреши мне подарить тебе этот ноутбук! – попросила она, удерживая продавца.

– И речи быть не может!

– В ознаменование продажи эстампа!

– Ты получила столько, сколько хотела?

– Да, но не без приключений. Паренек решил, что за такую цену имеет право на одну из поз Камасутры.

– «Беда мужчин в том, что они не могут спокойно посидеть на месте», – процитировал Мэтью.

– Вуди Аллен?

– Нет, Блез Паскаль.

Продавец протянул им ноутбук, который успел уложить в коробку. Мэтью поблагодарил его кивком головы, Эйприл расплатилась, и они поспешили к машине.

Мэтью настоял, что за руль сядет он. И пока они медленно продвигались к Бостону, зажатые пробкой, он вдруг понял: только что купленный ноутбук навсегда переменит его жизнь.

2. Мисс Ловенстайн

*Собаки меня никогда не кусали. Только люди.
Мэрилин Монро*

Бар ресторана «Император»

Рокфеллер Плаза, Нью-Йорк

18 часов 45 минут

Из бара «Император», расположенного на самом верхнем этаже Рокфеллер-центра, открывается сказочный вид на Манхэттен. В обстановке бара удачно соседствуют традици-

онность и дизайнерские новшества. Обновив в нем многое, художник не тронул панели с деревянной резьбой, столики в стиле ар-деко и кожаные клубные кресла. Благодаря всему этому в «Императоре» царила уютная атмосфера старинного английского клуба, удачно сочетаясь с современностью в виде ярко сияющего бара из стекла, пересекающего все помещение.

Тоненькая Эмма Ловенстайн легко сновала между столиками, поднося бокалы с вином. Посетителей знакомили с разными винами, и она, блистая врожденным даром красноречия, рассказывала историю изысканных напитков. Молоденькой сомелье удавалось заражать окружающих своим воодушевлением. Она располагала к себе всем – изяществом хорошеньких ручек, точностью движений, искренностью улыбки, но больше всего энтузиазмом, присущим юности, которым ей так хотелось поделиться.

Дегустация подвигалась к концу, балет официантов готовил предпоследний номер.

– Тартинки с ветчиной и пармезаном, – объявила Эмма, и в зале послышался одобрительный гул: приглашенные, попробовав, отдавали должное поданному блюду.

Эмма налила каждому по бокалу красного вина, не показывая этикетку, а затем в течение нескольких минут отвечала на вопросы, перечисляя особенности налитого вина, стараясь, чтобы клиенты лучше их прочувствовали. Наконец объявила:

– Вино из винодельни Моргон, Кот-дю-Пи, сухое божоле. Вино с долгим послевкусием, насыщенное, бархатистое, с ароматом малины и кислой вишни, который прекрасно сочетается с пряным вкусом свиной ветчины.

Идея проводить еженедельные знакомства с винами принадлежала Эмме. Слух об изысканных трапезах распространился все шире, и теперь они пользовались большой популярностью. Идея была проста: Эмма предлагала попробовать четыре разных сорта вина, которые сопровождали четыре блюда, предложенные главным поваром ресторана, Джонатаном Лемперером. Трапезы были тематическими, посвящались сорту винограда или месту, где виноград обладает особыми свойствами, длились примерно час и приобщали желающих к энологии³.

Эмма заглянула за стойку и подала знак нести последнее блюдо. Коротким мигом передышки она воспользовалась, чтобы взглянуть на экран мобильного, он давно уже мигал, подавая ей знак. Прочитав эсэмэс, она на секунду впала в панику.

«На этой неделе проездом в Нью-Йорке. Поужинаем сегодня вечером?»

Мне тебя не хватает.

Франсуа».

³ Наука о вине.

Она застыла, не сводя глаз с мерцающего экрана.

– Эмма?!

Оклик помощника вернул ее к действительности.

– В завершение нашей дегустации мы предлагаем вам ана-
нас с лепестками магнолии и мороженое с маршмеллоу, ка-
рамельизированным на древесных углях.

Она откупила новые бутылки и предложила еще по бо-
калу вина своим гостям. Поиграв немного в загадки и отгад-
ки, сообщила:

– Итальянское вино из Пьемонта, мускат Асти. Легкое
ароматное вино, игристое, сладковатое. Аромат розы и воз-
душные пузырьки великолепно сочетаются со свежестью
ананаса.

После десерта посетители задавали вопросы. Многие ин-
тересовались самой Эммой, где она училась, где вообще по-
лучают подобное образование. Она отвечала охотно, спрятав
как можно лучше свое волнение.

Эмма из Западной Виргинии, родилась в семье со скром-
ным достатком, отец у нее был шофером-дальнобойщиком,
и летом, когда ей исполнилось четырнадцать, повез всю се-
мью в Калифорнию полюбоваться виноградниками. Девочка-подросток открыла для себя волшебную страну, которая
очаровала ее на всю жизнь. Виноградники и вино стали ее
призванием и профессией.

Она поступила в лицей гостиничного хозяйства в Чарль-
стоне, в нем много внимания уделяли энологии. А когда по-

лучила диплом, без сожаления покинула убогое захолустье. И куда отправилась? В Нью-Йорк, конечно! Поначалу работала подавальщицей в скромном кафе, потом старшей официанткой в модном ресторане в Вест-Виллидже. Работала по шестнадцать часов в день, следя за обслуживанием столиков, занимаясь винами и баром. И вот однажды за один из ее столиков сел весьма любопытный клиент. Своего кумира она узнала сразу: сам мистер Джонатан Лемперер. Критики кулинарных журналов называли его «Моцартом гастрономии». Он был шеф-поваром одного из самых посещаемых ресторанов Манхэттена, прославленного «Императора», о котором говорили, что в нем «лучшая кухня в мире». «Император» и в самом деле мог считаться святой святых гастрономии, принимая каждый год тысячи клиентов со всех концов света. Клиентам иной раз приходилось ждать целый год, чтобы наконец заказать там столик. Но в этот день Лемперер обедал инкогнито со своей женой в другом ресторане. У него самого к этому времени были рестораны в самых крупных городах мира. Для короля обширной империи он был поразительно молод.

Эмма набралась мужества и заговорила с кумиром. Джонатан выслушал ее с интересом, и очень скоро обед превратился в тест по найму. Успех не вскружил голову Лемпереру, он был требовательным, но не заносчивым и по-прежнему продолжал искать свежие таланты. Оплачивая счет, он протянул Эмме визитную карточку со словами:

– Приступайте завтра.

На следующий день он подписал с ней контракт, назначив помощником главного сомелье «Императора». И вот уже три года она отлично ладила со своим шефом. Лемперер фонтанировал идеями, и поиск соответствия между подаваемыми блюдами и вином был одной из его давних забот. Эмма осуществила свою профессиональную мечту. В прошлом году Джонатан развелся и снял передник. В ресторане появился новый шеф-повар. Но хотя Лемперер не стоял больше у плиты, его энергия пронизывала все по-прежнему и придуманные им блюда служили украшением меню.

– Благодарю вас за то, что пришли к нам, и надеюсь, что провели приятный вечер, – сказала Эмма, завершая разговор с посетителями.

Она попрощалась с ними, быстренько подвела итоги дня со своим помощником, собралась и отправилась домой.

* * *

Через несколько секунд лифт доставил Эмму к подножию Рокфеллер-центра. Время перевалило за полночь. Дул ледяной ветер, изо рта вылетал пар, но мороз не смущал отважных туристов, которые облепили ограду катка и фотографировали гигантскую новогоднюю елку. Высотой не меньше тридцати метров, дерево сияло огнями гирлянд и сверкало шарами. Чудесное зрелище, а сердце Эммы теснила тос-

ка. Банальная истина остается истиной: встречать Новый год одной невесело. Молодая женщина подошла к краю тротуара и стала высматривать на дороге зеленый огонек свободного такси, натягивая на уши шапочку и потуже закручивая вокруг шеи шарф. К несчастью, и ночью бывают часы пик, и все желтые такси, проезжавшие мимо, были заняты. Смирившись с неудачей, Эмма пробралась сквозь толпу и добежала до угла Лексингтон-авеню и Пятьдесят третьей стрит, спустилась в метро и села в поезд на линии Е по направлению в Даун-таун⁴. Естественно, что вагон был набит битком, так что она стояла, зажата в толпе пассажиров.

И все же, несмотря на толчки и тесноту, ухитрилась вытащить мобильник и еще раз прочитать эсэмэс, которую помнила наизусть.

«На этой неделе проездом в Нью-Йорке. Поужинаем сегодня вечером?»

Мне тебя не хватает.

Франсуа».

«Отправляйся ко всем чертям! Не думай, что я в твоём распоряжении!» – полыхнула она снова гневом, не сводя глаз с экрана.

С Франсуа, наследником одного крупного винодела из Бордо, она познакомилась два года назад, когда ездила во

⁴ Деловая часть города.

Францию изучать местное виноделие. Он не скрыл от нее, что женат, что у него двое детей, но она все же ответила на его ухаживание. Эмма продлила свое путешествие, и они провели сказочную неделю, странствуя по «винным» дорогам тех краев: знаменитой «дороге Медок», по следам прославленных сухих вин небольших замков, по «тропинкам на склонах» с романскими церквями, археологическими древностями, средневековыми городками и аббатствами Междуморя, по старинным деревенькам Сен-Эмильона... Потом они виделись в Нью-Йорке во время деловых командировок Франсуа. И даже съездили в отпуск, провели неделю на Гавайях. Два года коротких страстных встреч, два года бесплодных ожиданий. Разрушительные два года. Всякий раз, когда они встречались, Франсуа обещал, что вот-вот разведется. Эмма не то чтобы очень в это верила, просто была влюблена, и все.

А потом, когда они снова собирались вместе провести свободные дни, он написал ей, что все еще любит жену и хочет положить конец их связи.

Эмма уже не первый раз в своей жизни приближалась к опасному краю. Она извела на себе, что такое булемия или невозможность есть, испытала желание наносить себе раны. Сообщение о разрыве подтолкнуло ее еще ближе к бездне.

Опустошение, пустота – вот все, что она ощущала. В ней сломалось что-то очень важное, и она сделалась хрупкой и уязвимой. Жизнь утратила краски, вкус и давала знать о се-

бе только тянущей болью. Справиться с этой мукой можно было одним-единственным способом: погрузиться в теплую ванну и перерезать вены на запястьях. Сделать два глубоких надреза на каждой руке.

Ее попытка самоубийства не была призывом на помощь или детским театральным жестом. Она хотела уйти из жизни всерьез. Причиной была несчастная любовь, но корень разлада с жизнью таился гораздо глубже. Эмма хотела уйти из жизни, и у нее бы получилось, если бы не ее брат, кретин и идиот, который не нашел другого времени, чтобы ворваться в ее квартиру с упреками, что она не заплатила в этом месяце за отца в доме для престарелых.

При этом воспоминании у Эммы всегда пробегала по спине ледяная струйка...

Поезд остановился. Станция «Сорок вторая стрит», конечная остановка всех автобусов. Вагон опустел, и Эмма наконец смогла найти себе место. Едва она села, как мобильник завибрировал. Франсуа настаивал:

«Умоляю, дорогая, ответь. Дадим себе еще один шанс. Отзовись. Прошу! Мне так тебя не хватает. Твой Франсуа».

Эмма закрыла глаза и стала дышать очень медленно. Ее бывший любовник – непостоянный эгоист и манипулятор. Он умело пользуется своим обаянием, делая из себя героя

с любящим сердцем. Хочет утвердить над ней свою власть. Знает, что способен лишить ее самообладания. Умеет безжалостно использовать ее слабости и неуверенность в себе. Берedit раны, напоминает о неудачах. Лучше всего ему удастся истолковывать происходящее в свою пользу, а ее представлять фантазеркой с маниями.

Чтобы не поддаться соблазну ответить, Эмма отключила мобильник. Она заплатила дорогую цену за то, чтобы избавиться от чар Франсуа. Она больше не хотела попадаться в ловушку. Тем более в канун Нового года. Тем более что чувствовала себя такой одинокой!

Самым худшим ее врагом был вовсе не Франсуа. Она сама себе была худшим врагом. Не могла научиться жить ровно, без всплесков. Эмма знала, что за ее доброжелательной веселостью таятся импульсивность, эмоциональная неустойчивость, что она может впасть в глубокую депрессию или в безудержную эйфорию.

И сейчас ни за что не желала пойти на поводу своего страха перед одиночеством, потому что потом она опять впадет в отчаяние и, кто знает, может, опять поддаться силам саморазрушения. Ее привязанности не приносили ей счастья. Любя, она отдавала все, но тому, кто этого не заслуживал. Эгоистам вроде Франсуа. Однако в ней самой было что-то, чего она не понимала, с чем не могла справиться. Какая-то темная сила, какое-то внутреннее свойство натуры подталкивало ее к несвободным мужчинам. Она безрассудно стре-

милась слиться, раствориться в своем чувстве и в то же время прекрасно понимала, что эта любовь не несет в себе ни надежности, ни постоянства, в которых она так нуждалась. И все-таки она не отказывалась от связи, с отвращением становилась сообщницей в неверности, подрывала семейный очаг, хотя это было против ее правил и против того, чего она хотела для самой себя.

По счастью, вот уже несколько месяцев она занималась психотерапией и немного научилась отходить в сторону и не поддаваться сразу порыву чувств. Теперь она точно знала, что должна оберегать себя и держаться подальше от недобросовестных эгоистов.

Вот и конечная – «Уорлд Трейд Центр». Этот городской квартал на юге города был почти полностью разрушен терактом. Сейчас в нем по-прежнему ведутся строительные работы, и очень скоро новые башни из стекла и бетона украсят нью-йоркский горизонт.

«Символ мощи Манхэттена, способного выйти еще более сильным из любых испытаний, – подумала Эмма, поднимаясь по лестнице к Гринвич-стрит. – Пример, над которым стоит поразмышлять...»

Она дошла быстрым шагом до перекрестка с Гаррисон-стрит и пошла по эспланаде вдоль больших жилых домов из зеленоватого кирпича, построенных где-то в 70-х, когда Трайбека⁵ был всего-навсего промышленной зоной, усе-

⁵ TriBeCa – небольшой квартал в Нижнем Манхэттене.

янной предприятиями. Эмма набрала код и толкнула двумя руками тяжелую дверь.

Довольно давно в трех сорокаэтажных башнях дома номер 50 на Норд Плаза сдавались сотни скромных квартир. Внезапно цены в квартале взлетели вверх, их дом надумали в ближайшее время ремонтировать, в ожидании ремонта холл выглядел плачевно: облупившаяся краска на стенах, тусклый свет, сомнительная чистота. Эмма забрала из ящика почту, села в лифт и вышла на предпоследнем этаже, где снимала квартиру.

– Хлодвиг!

Стоило ей переступить порог, как к ней бросилась ее собака, бурно выражая восторг.

– Дай я хотя бы дверь закрою, – проговорила она, глядя бархатистую шкурку, сложившуюся в прочные твердые складки.

Эмма поставила сумку и минут пять здоровалась с Хлодвигом. Ей нравилось его плотно сбитое тельце, большой черный нос, честные глаза, мерцающие на треугольной мордочке, и притворно недовольный вид.

– Вот уж ты всегда мне будешь верен!

И словно бы в благодарность сразу же насыпала ему в миску сухого корма.

Квартира была маленькой – сорок квадратных метров, но не без шарма – светлый пол, стены под кирпич, огромное окно. В кухне главной была стойка из черного песчаника и

три металлических табурета. А вот что касается гостиной, то вся она была заставлена стеллажами с книгами. Американская литература, европейская, книги о кино, винах, гастрономии. Были в доме и недостатки: старые трубы, перебои с водой, мыши в прачечной, постоянно ломающиеся лифты, плохие кондиционеры, тонкие стены, которые дрожали во время грозы и не скрывали интимной жизни соседей. Зато из окна был потрясающий вид на реку, а уж при взгляде на Нижний Манхэттен просто дух захватывало. Цепочки светящихся зданий, набережная Гудзона и возле нее множество самых разных пароходов и лайнеров.

Эмма сняла пальто, шарф, повесила костюм на манекен и надела старые джинсы и просторную футболку «Янкиз», потом отправилась в ванную, чтобы смыть макияж.

Зеркало отразило лицо молодой женщины тридцати трех лет, с темными, слегка вьющимися волосами, светло-зелеными глазами и небольшим носом, на котором заблудилось несколько веснушек. В очень счастливые дни в ней можно было найти отдаленное сходство с Кейт Бекинсэйл⁶ и Эванджелин Лилли⁷, но сегодня день был несчастливый. Стараясь не поддаваться наплывающей тоске, Эмма послала себе насмешливую гримаску. Она избавилась от линз, а вместе с ними от рези в глазах, надела очки и отправилась на кухню ста-

⁶ Английская актриса. Звезда цикла кинофильмов о вампирах «Другой мир».

⁷ Канадская актриса. Прославилась, исполнив роль Кейт Остин в драматическом сериале «Остаться в живых».

вить чайник.

«Брр, ну и холодина!» – вздрогнула она, взяла по дороге плед, закуталась в него и прибавила мощности отоплению. Дожидаясь, пока вскипит чайник, уселась на табурет и открыла лежащий на стойке компьютер.

Есть хотелось страшно. Эмма вышла на сайт японского ресторана, работавшего с доставкой на дом, заказала себе мисо суп, суши, маки и сашими.

Получила по почте подтверждение, что заказ принят, проверила его и узнала время доставки, а потом просмотрела остальную почту, опасаясь наткнуться на письмо от бывшего любовника.

По счастью, писем от Франсуа не было.

Зато было другое письмо, загадочное, от неизвестного Мэтью Шапиро.

Эмма слыхом не слыхала о таком!

Но он-то и перевернет всю ее жизнь...

3. Письмо

*Если страдание – твой лучший друг, отказаться
от него – подвиг.*

Микела Марцано

Бостон

Квартал Бэкон-Хилл

Восемь часов вечера

– Мама не вернется, да, пап? – спросила Эмили, застегивая пижаму.

– Нет, не вернется. *Никогда*, – подтвердил Мэтью и взял девочку на руки.

– Это неправильно, – жалобно проговорила она дрожащим голосом.

– Совсем неправильно, – согласился он резко, – но в жизни такое случается.

И он уложил девочку в кровать.

Небольшая комната с невысоким потолком была теплой, уютной, но без пастельной слащавости, какая обычно царит в детских.

Когда Мэтью и Кейт ремонтировали дом, они старались вернуть каждой комнате ее первоначальный облик. В этой убрали перегородку, отмыли и натерли воском паркет, чтобы мягко поблескивал, поставили старую мебель – деревянную кровать, покрашенный белой краской комод, обитое холстинкой кресло, лошадь-качалку, а для игрушек приспособили рыжий кожаный чемодан с латунными накладками.

Мэтью погладил Эмили по щеке, надеясь хоть как-то ее утешить.

– Хочешь, я тебе прочитаю, а, малыш?

Эмили опустила глаза и грустно покачала головой.

– Нет, не надо мне читать...

Мэтью невольно нахмурился. Вот уже несколько дней он чувствовал, что дочка подавлена. Он как будто передавал ей

свою тоску и тревогу и теперь не мог не винить себя. Но ведь он старался! Он крепился, не показывал дочке своего горя, носил маску, но с детьми это не проходит, у них есть шестое чувство, они знают все. Была и еще одна беда: Мэтью, потеряв жену, боялся лишиться еще и дочери. Он понимал, что его страх – глупость, всячески старался образумить себя, но не мог. Ему чудилось, что Эмили из-за каждого угла грозит опасность, и он оберегал ее от всего и вся с риском лишиться воздуха и веры в себя.

Современным отцом он не был.

В первые недели после смерти Кейт Мэтью напугало безразличие Эмили. Она оставалась совершенно спокойной, не горевала и как будто не понимала, что матери нет на свете. В поликлинике врач-психолог, которая наблюдала Эмили, объяснила ему, что такое поведение часто встречается у детей. Дети инстинктивно оберегают себя, отстраняя травмирующее событие. Они словно бы дожидаются, когда у них накопятся силы, чтобы встретиться с ним лицом к лицу.

Вопросы о смерти пришли позже. На протяжении нескольких месяцев Мэтью, следуя советам психолога, отвечал на них, помогая себе книгами, картинками и всевозможными метафорами. Но расспросы Эмили становились все более дотошными, они ставили его в тупик, и он стал обходить их. В самом деле, как объяснишь ребенку четырех с половиной лет, что такое смерть? Мэтью не знал, как ему говорить с дочкой, не находил слов, какие бы она поняла. Психолог со-

ветовала не волноваться, говорила, что с возрастом все уладится. Эмили, подрастая, будет все отчетливее осознавать, что никогда больше не сможет снова увидеться с матерью. Психолог считала, что расспросы Эмили полезны и здоровы. Они помогают выйти на свет ее страхам, разрушают табу, освобождают ее.

Но, по мнению Мэтью, Эмили была еще очень далека от освобождения. Каждый вечер перед сном во власти страха и тревоги она задавала все те же вопросы, на которые Мэтью было так трудно отвечать.

– Если не читаем, засыпай!

Малышка в задумчивости натянула на себя одеяло.

– Бабушка сказала, что мама на небе, – начала она.

– Мама не на небе, бабушка сказала глупость, – отрезал Мэтью, посылая про себя свою мать ко всем чертям.

Кейт была сиротой. Сам он рано ушел от родителей, двух законченных эгоистов, которые преспокойно жили себе в Майами, даже не представляя, в каком он горе. Они никогда не любили Кейт, а ему всегда ставили в вину, что он занимается своей философией, а не их проблемами. Людям, которые всю жизнь думали только о себе, такое простить невозможно. Сразу после гибели Кейт они, разумеется, приехали в Бостон, чтобы поддержать сына и позаботиться о внучке. Но сочувствия хватило ненадолго. Очень скоро они уехали и теперь довольствовались одним телефонным звонком в неделю, чтобы узнать новости и наговорить глупостей Эмили.

Все это в совокупности выводило Мэтью из себя. Его бесило лицемерие религии. Он не верил в доброго Бога, не верил никогда, и смерть Кейт тем более не могла убедить его в существовании Милосердного. Мэтью был философом, а философия была неразрывно связана у него с атеизмом. Кейт полностью разделяла его взгляды. Смерть была концом всего на свете. После нее ничего больше не было. Никакой загробной жизни. Пустота. Ничто. Небытие. Полное и абсолютное. Даже ради ее спокойствия Мэтью не мог внушать дочери лживые иллюзии, которые презирал сам.

– Не на небе, а тогда где? – настойчиво продолжала расспросы девочка.

– Гроб с телом на кладбище, ты сама знаешь. Но не умерла мамина любовь, – сделал уступку Мэтью. – Она всегда в нашем сердце, в нашей памяти. Мы можем ее помнить, говорить о ней, перебирать все хорошее, что у нас было, смотреть фотографии, ходить на кладбище.

Эмили смотрела на него с тревогой.

– А ты? Ты тоже умрешь?

– Да, как все, – кивнул он, – только...

– Ты умрешь, а с кем буду я? – с той же тревогой спросила девочка.

Он ласково ее обнял.

– Я умру еще не скоро, малыш. Проживу до ста лет, обещаю, – сказал он.

«Обещаю», – повторил он, прекрасно зная, что говорит

пустые слова, просто-напросто лжет.

Еще несколько минут он сидел рядом с малышкой и говорил что-то ласковое, потом потеплее укутал ее, погасил свет, оставив только ночничок над кроватью, поцеловал в последний раз и перед тем, как закрыть дверь в ее комнату, пообещал, что Эйприл придет пожелать ей спокойной ночи.

* * *

Лестница с двух верхних этажей спускалась прямо в гостиную. Только первый этаж был освещен мягким неярким светом.

Вот уже три года Мэтью жил в доме из красного кирпича на углу Моунт-Вернон-стрит и Уиллоу-стрит. В красивом особняке, смотрящем окнами на Луисбург-сквер, с белой массивной дверью и темными ставнями.

Мэтью выглянул в окно и увидел яркие цепочки гирлянд, которыми украсили решетку парка. Всю жизнь Кейт мечтала жить именно в этой старинной части Бостона. Внутри маленького, уцелевшего от Викторианской эпохи островка со строгими домами, плиточными тротуарами, улицами, обсаженными деревьями, старинными фонарями и цветочными клумбами. Казалось, в этом волшебном месте время замерло так же, как красивые старинные дома. Квартал был не по карману врачу из университетской клиники и преподавателю, который только-только успел расплатиться за обучение.

Но разве такой пустяк мог остановить Кейт? Месяц за месяцем она обходила все магазинчики чудесного квартала и приклеивала объявления. И вот одна дама, собираясь переезжать в дом для престарелых, прочитала ее объявление. Богатая жительница Бостона презирала агентства и хотела продать «из рук в руки» дом, в котором прожила всю жизнь. Кейт, наверное, ей понравилась, потому что она охотно согласилась пересмотреть назначенную цену в сторону уменьшения, но при этом покупателям был поставлен ультиматум – они должны были дать ответ на следующий день. Решение было очень серьезным. Несмотря на скидку, сумма оставалась внушительной. По сути, они брали обязательство на всю жизнь, но оно означало, что они верят в свою любовь и свое будущее. Мэтью и Кейт решились. Они влезли в долги на тридцать лет вперед и все свободные дни проводили, крася, шпаклюя и клея. Мэтью не был любителем мастерить, но теперь они всей семьей заделались «специалистами» по части укладки паркета, электрической проводки и водопроводных труб.

Трудясь день за днем, они сроднились с новым домом. Вложили в него душу, он стал для них гнездом, где они хотели вырастить детей и состариться. «Убежище от гроз», как поет Боб Дилан.

Но теперь, когда Кейт умерла, какой смысл был в таком большом доме? Дом остался живым мучительным напоминанием о ней. Убранство дома, мелочи, даже запахи – арома-

тических свечей, палочек, саше, – все было связано с Кейт. Все здесь напоминало Мэтью о жене, и ему казалось, что Кейт стала этим домом, и у него не было ни воли, ни желания с ним расстаться.

Но воспоминания не покидали только нижние этажи дома, верх оживила своим присутствием Эйприл, арендовавшая верхний этаж – просторную спальню, ванную комнату, гардеробную и небольшой кабинет.

На втором этаже находились комната Мэтью, комната Эмили и еще комната малыша, появление которого они с Кейт не собирались откладывать слишком надолго. На первом они оставили открытое пространство, служившее и кухней, и гостиной, и столовой.

Мэтью, медленно выходя из оцепенения, заморгал, стараясь прогнать тягостные мысли. Он спустился в кухню, где они так любили утром завтракать, а вечером рассказывать друг другу, как прошел день, сидя рядышком возле стойки. Он достал из холодильника упаковку светлого пива, откупорил бутылку, вытащил из кармана блистер с анаксиолитиком⁸ и запил таблетку глотком «Короны». Лечебно-алкогольный коктейль. Другого средства быстрой отключки и сна он пока не нашел.

– Эй, красавчик, поосторожнее с такими смесями, они тебе могут сильно навредить, – окликнула его Эйприл, спуска-

⁸ Психотропные лекарственные средства, самые распространенные транквилизаторы, снимающие тревогу и страх.

ясь по лестнице. Она собиралась провести вечер с друзьями и была, как всегда, ослепительна.

На умопомрачительных каблуках в шикарном эксцентричном наряде – прозрачная бордовая блузка с вышивкой на манжетах, кожаные блестящие шорты, темные колготки и темный жакет с подхваченными ремешком рукавами. Свои роскошные волосы Эйприл подобрала в шиньон, на лицо нанесла тональный крем с перламутровым отливом, благодаря которому особенно выразительно смотрелись ее кроваво-красные губы.

– А ты не хочешь пойти со мной? Я в «Выстрел», новый паб неподалеку от набережной. Там такая свинина, убиться можно! А мохито! Нет слов! И сейчас там ужинают самые красивые девушки нашего города!

– А Эмили? Я оставлю ее одну?

Эйприл тут же отмела возражение:

– Попросим посидеть с ней дочку наших соседей. Она всегда готова поиграть в няню.

Мэтью, не соглашаясь, покачал головой:

– Нет, спасибо. Я не хочу, чтобы моя маленькая дочь проснулась через час, разбуженная дурным сном, и обнаружила, что отец ее бросил, потому что захотел выпить мохито в баре лесбиянок и сатанистов.

Всерьез огорченная Эйприл поправила широкий браслет с пурпуровыми арабесками.

– «Выстрел» вовсе не бар лесбиянок, – немного нервно

возразила она и настойчиво прибавила: – Мэтт, я говорю совершенно серьезно: тебе нужно выходить, видеть людей, постараться снова нравиться женщинам, заниматься любовью...

– Влюбиться? Мне? Как ты себе это представляешь? Моя жена...

– Я не говорю о чувствах, – оборвала она его. – Я говорю о постели. О телесном удовольствии, освобождении, чувственности. Могу тебя познакомить со своими подружками. Сердечные девушки и хотят только немного поразвлечься.

Мэтью взглянул на нее, как на инопланетянку.

– Все поняла и больше не настаиваю, – отступилась Эйприл, застегивая пиджак. – А ты никогда не задумывался, одобрила бы твой образ жизни Кейт?

– Не понимаю, что ты имеешь в виду.

– Если предположить, что она смотрит на тебя сверху, то что она думает о твоей жизни?

– Нет никакого сверху! Не хватало, чтобы и ты изрекала подобные благоглупости!

Эйприл не обратила никакого внимания на возражение «философа».

– Подумаешь! Я сама тебе скажу, что думает о твоей жизни Кейт! Она не хочет, чтобы ты застревал на месте, а хочет, чтобы ты взял себя в руки, встряхнулся, снова зажил полной жизнью!

Гнев перехватил горло Мэтью.

– Как ты можешь говорить от ее имени? Ты ее не знала! Ты ее даже не видела!

– Это правда, – согласилась Эйприл, – но мне кажется, ты полюбил свое горе и всеми силами его растравляешь, потому что боишься, что иначе потеряешь связь с Кейт и...

– Уймись! Доморощенный психолог из женского журнала! – взорвался Мэтью.

Обиженная Эйприл не пожелала отвечать и ушла, хлопнув дверью.

* * *

Оставшись в одиночестве, Мэтью устроился на своем любимом маленьком диванчике. Выпил залпом бутылку пива, вытянулся и стал массировать себе веки.

«Черт знает что, право!...»

У него не было ни малейшего желания заниматься с кем-то любовью, прикасаться к чужому телу, целовать чужое лицо. Ему хотелось быть одному. Он не искал ни понимания, ни утешения. Да, действительно, он хотел лелеять свою боль, свое горе со своими верными анаксиолитиками и любимой «Короной».

Стоило ему закрыть глаза, и перед ним бежали картинки, словно он опять смотрел все тот же фильм, который смотрел уже сотни раз. Ночь с 24 на 25 декабря 2010 года. В тот день Кейт дежурила до девяти вечера в детской больни-

це на Джамайка-Плэйн, педиатрическом отделении Массачусетского главного госпиталя⁹. Кейт позвонила ему после дежурства:

– Застряла на больничной стоянке, дорогой. Машина никак не заводится. Ты, как всегда, прав, мне и в самом деле пора избавляться от старой калоши.

– Я говорил тебе это тысячу раз.

– А мне жалко! Старенькое купе «Мазда»! Ты же знаешь, первая моя машина, я купила ее самостоятельно, когда была еще студенткой!

– А было это в девяностом году, сердечко мое! И к тому же она была подержанной.

– Попробую добраться на метро.

– Ты шутишь? В этот час в районе больницы небезопасно, я сажусь на мотоцикл и заезжаю за тобой.

– Не надо, слишком холодно. Ты знаешь, что идет дождь со снегом? На мотоцикле опасно, Мэтт!

Но он настаивал, и Кейт в конце концов согласилась.

– Так и быть. Только будь осторожен. Жду тебя.

Это были ее последние слова. Она нажала на кнопку «отбой».

Мэтью мигом оседлал «Триумф». И только он выехал за пределы Бэкон-Хилл, как Кейт удалось завести старушку «Мазду». А в 21 час 07 минут муковоз, который доставлял груз в хлебопекарни центрального района, сшиб ее на пол-

⁹ Больница в Бостоне при университете.

ном ходу, когда она выезжала со стоянки. Машина Кейт перевернулась в воздухе и приземлилась на крышу. Грузовик занесло, и он раздавил ее своей тяжестью. Когда Мэтью подъехал к больнице, пожарные работали над высвобождением бесчувственного тела Кейт из металлической ловушки. Понадобился целый час, чтобы освободить ее и привезти в университетскую больницу. На следующую ночь она скончалась от полученных травм.

Шофер грузовика не пострадал. Анализ на наркотики, который ему сделали после катастрофы, показал небольшое количество анаши. На следствии он клялся, что причиной случившегося было то, что Кейт звонила по телефону и не уступила ему, как положено, дорогу.

Его показания подтвердила камера наблюдения, установленная на выезде со стоянки.

* * *

Мэтт открыл глаза и сел. Он не имеет права распускаться. Он должен держать себя в руках ради Эмили. Он поднялся с дивана, думая, чем бы себя занять. Сесть проверять работы? Посмотреть по телевизору баскетбольный матч? Взгляд упал на сумку, в которой лежал купленный по случаю ноутбук.

Мэтт расположился за деревянной стойкой на кухне, достал ноутбук из коробки, поставил перед собой и стал рассматривать: симпатичная штучка, забавная, алюминиевый

корпус и наклейка «Ева с яблоком»...

Он открыл его. Парень, который его продал, позаботился и приклеил на экран листок с паролем, позволяющим открыть доступ к программам.

Мэтью включил компьютер, набрал пароль и стал ждать. Все пошло своим чередом: осветился экран, стрелочка, обычные для Мака иконки. Он ввел собственные данные, чтобы получить доступ к Интернету, и несколько минут перебирал программы, чтобы убедиться, что все, что ему нужно, работает: исправления текста, навигатор, почта, фото. Запустив службу фото, он с удивлением обнаружил целую серию снимков.

Странно! Продавец уверял его, что переформатировал жесткий диск...

Мэтью нажал на клавишу и стал рассматривать фотографии. Счастливое каникулярное время. Фото, похожие на открытки. Бирюзовое море, вертикально стоящие на белом песке серфборды, обнявшиеся мужчина и женщина, пожелавшие навечно замереть в магическом свете закатного солнца.

«Гавайи? Багамы? Мальдивы?» — задумчиво спрашивал себя Мэтью, прокручивая фотографии, слыша мягкий плеск волн, чувствуя ветер в волосах.

Морскую синеву сменила зелень, появились холмы, замки, виноградники, площадь небольшой деревеньки.

«Франция или Тоскана?» — не понял Мэт.

Находка его заинтриговала. Он прекратил дальнейший просмотр и стал кликать каждую из фотографий, чтобы получить как можно больше информации. Кроме обычных технических характеристик, на них было обозначено: снято emma.lovinstein @imperatornyc.com.

«Эмма Ловенстайн...»

Нетрудно было сообразить, что Эмма Ловенстайн и есть Эмма Л., красующаяся на наклейке. Бывшая владелица этого компьютера.

Мэтью выделил кликом все фотографии и отправил в корзину, собираясь уничтожить. Но в последний момент усомнился, а правильно ли он поступает, и, не распрощавшись с ними окончательно, сочинил коротенькое послание.

От кого: Мэтью Шапиро

Кому: Эмма Ловенстайн

Тема: Фотографии

«Добрый вечер, мисс Ловенстайн.

Я новый владелец Вашего ноутбука. На жестком диске осталось несколько фотографий. Не хотите ли Вы, чтобы я переслал их Вам, или я могу их стереть? Сообщите, пожалуйста. Дружески, Мэтью Шапиро».

4. «Незнакомцы в ночи»¹⁰

*Я не верю в ценность разрозненных
существований. Никто из нас сам по себе не полон.
Вирджиния Вулф*

От кого: Эмма Ловенстайн

Кому: Мэтью Шапиро

Тема: Re: Фотографии

«Добрый вечер, Мэтью!

Скорее всего, Вы ошиблись адресом. У меня действительно есть ноутбук, но я его не продавала. Попавшие к Вам фотографии не имеют ко мне отношения.

Всего доброго, Эмма.

С уважением,

Эмма Ловенстайн,

помощник главного сомелье.

Ресторан «Император»,

30, Рокфеллер Плаза, Нью-Йорк, Н-Й 10020».

Спустя две минуты.

¹⁰ Песня Франка Синатры.

«Спасибо, все понял. Извините за ошибку. Доброй ночи. Мэтью.

P.S. Вы работаете в «Императоре»? Вполне возможно, мы с Вами встречались. Мы с женой праздновали у Вас первую годовщину нашей встречи».

Спустя сорок пять секунд.

«Неужели? А когда это было?»

Спустя одну минуту.

«Это было четыре года назад. 29 октября».

Спустя тридцать секунд.

«Значит, за несколько недель до моего прихода. Надеюсь, Вы сохранили приятные воспоминания о нашем ресторане».

Спустя одну минуту.

«Да, очень хорошие. Я даже вспоминаю о некоторых блюдах, например, жареные лягушачьи лапки, рис с телятиной и трюфелями, миндальное печенье, молочный рис».

Спустя тридцать секунд.

«А вина? А сыры?»

Спустя одну минуту.

«Боюсь, что огорчу Вас, Эмма, но я не пью вина и никогда не ем сыра...»

Через минуту.

«Очень жаль. Вы даже не представляете себе, сколько теряете. Если когда-нибудь снова придете к нам, я помогу Вам открыть несколько великолепных бутылок! Вы живете в Нью-Йорке, Мэтью?»

Спустя тридцать секунд.

«Нет, в Бостоне. В Бэкон-Хилл».

Еще через двадцать секунд.

«Совсем рядом с портом! Пригласите Вашу супругу отпраздновать этой осенью Вашу пятую годовщину у нас!»

Прошло три минуты, и последовал ответ.

«Невозможно. Моя жена умерла».

Еще через минуту.

«Примите мои извинения. Мне очень, очень неловко».

Спустя еще одну минуту.

«Не стоит, Эмма. Откуда Вам было знать? Всего самого доброго».

* * *

Мэтью резко отодвинул компьютер и встал со стула. Подумать только, до каких откровенностей можно дойти, вступая в разговор с незнакомцами из Интернета! Что за дурацкая была идея ввязываться в этот немыслимый диалог! Он без сожаления стер фотографии и открыл еще одну бутылку «Короны».

Может, разговор и оставил послевкусие неловкости, зато вкус к еде явно пробудился. Мэтью переместился на территорию кухни и открыл холодильник. Шаром покати.

«Но он же не наполняется сам собой...» – подсказал ему вредненький голосок.

Мэтью заглянул на всякий случай в морозилку и все-таки

отыскал там пищу. Достал и сунул в микроволновку. Поставил таймер и вернулся к компьютеру. Компьютер сообщал, что пришло еще одно послание от Эммы Ловенстайн...

* * *

«Подумать только! Ну и бестолковщина! Но откуда мне было знать, что его жена умерла?» – упрекала себя Эмма.

Однако разговор пробудил ее любопытство. Она взяла и набрала в Гугле: Мэтью Шапиро, Бостон». Сразу пошли отсылки на официальный сайт Гарвардского университета. Заинтригованная, она нажала на первую и познакомилась с краткой биографией одного из преподавателей, ведущих курс философии. Похоже, ее таинственный корреспондент читал лекции на очень престижном факультете. Резюме преподавателя было снабжено фотографией. Если верить ей, то Мэтью Шапиро был красивым брюнетом, лет тридцати с небольшим, с обаянием в духе Джона Кассаветиса¹¹. Эмма с секунду поколебалась, и ее пальцы вновь застучали по клавишам.

От кого: Эмма Ловенстайн

Кому: Мэтью Шапиро

¹¹ Джон Николас Кассаветис (1929–1989) – американский режиссер, актер и сценарист. Один из важнейших представителей американского независимого кино. Отличался эффектной, подчеркнуто мужественной внешностью.

«Вы ужинали, Мэтью?»

* * *

Мэтью нахмурился. Он терпеть не мог вторжений в свою личную жизнь. Но тем не менее ответил.

От кого: Мэтью Шапиро

Кому: Эмма Ловенстайн

«Если Вам все интересно, то пицца готовится в микроволновке».

Через тридцать секунд.

«Поняла. Оставьте свою замороженную пиццу, Мэтью. И вот что я Вам предлагаю.

Вы, конечно, знаете большой бакалейный магазин «Зеллиг Фуд» на Чарлз-стрит. У них потрясающие сыры и копчености.

Если Вы хотите провести вечер гурмана, навестите их. Подберите себе что-нибудь из удивительно вкусных козьих сыров. Например, фирменный с инжиром или с васabi. Поверьте, я не знаю более удивительных сочетаний, но с белым луарским совиньоном, «Сансером», например, или «Пуйи» получится просто отлично.

Советую Вам попробовать их запеченный паштет из гусиной печенки с фисташками, который так великолепно сочетается с бархатистой терпкостью бургундского «Кот-де-Нюи». А если Вам попадется бутылка «Жевре-Шамбертен» 2006 года, покупайте сразу!

Вот мой совет. Вы увидите, что это куда вкуснее замороженной пиццы.

Эмма

P.S. Я проверила по Интернету, от Бэкон-Хилл до «Зеллиг Фуда» вы можете дойти пешком, но поспешите, он закрывается в 22 часа...»

Мэтью покачивал головой, сидя перед экраном. Давно уже никто не заботился о том, чтобы ему было хорошо... Но тут же почувствовал глубочайшее возмущение. Разозлился. Да какое право имеет эта Эмма Ловенстайн диктовать, как ему проводить свое вечернее время?

Он закрыл электронную почту и вышел в поисковую сеть. Ему стало любопытно, и он набрал: «Эмма Ловенстайн, сомелье», а потом нажал на «найти». Открыл первую ссылку – статью в журнале «Вайн Спектэйтор». Статья была прошлогодней и называлась «Десять молодых талантов с будущим». Серия портретов нового поколения сомелье. Удивительно, что «молодые таланты» были по большей части женского пола. Предпоследним был портрет Эммы и даже снабжен фотографией, снятой в погребке стиля хай-тек рестора-

на «Император». Мэтью увеличил снимок. Сомнений не было, молодая сомелье была той же самой женщиной, которая улыбалась на курортных фотографиях, найденных им в компьютере. Милая брюнетка со смеющимися глазами и лукавой улыбкой.

«СТРАННО...» ПОЧЕМУ ОНА СКАЗАЛА, ЧТО НЕ ПРОДАВАЛА КОМПЬЮТЕР? ПОСТЕСНЯЛАСЬ? ЗАСТЫДИЛАСЬ? НО В ТАКОМ СЛУЧАЕ ПОЧЕМУ ПРОДОЛЖИЛА РАЗГОВОР?

Пиканье микроволновки сообщило, что пицца готова.

Но Мэтью, вместо того чтобы встать, взялся за телефонную трубку и позвонил соседям. Он спросил, может ли их Элизабет побыть полчаса с Эмили. Ему нужно кое-что купить в «Зеллиг Фуде» и бежать туда нужно срочно, потому что магазин закрывается в десять...

Бостон

Квартал Бэк Бэй

Час ночи

Паб «Выстрел» вибрировал в ритме басовых переливов трубы. Эйприл изо всех сил работала локтями, выбираясь из толпы, собираясь выйти на улицу и выкурить сигаретку.

«Упс, а я немного перебрала...» – подумала она, когда споткнулась о край тротуара. Прохладный воздух явно пошел ей на пользу. Да, она слишком много пила, танцевала и флиртowała напропалую. Поправила бретельку лифчика и

взглянула на часы. Однако уже поздно. Позвонила по мобильнику в фирму такси, заказала машину и сунула в рот сигарету, роясь в сумке в поисках зажигалки.

«Да куда же ты подевалась, проклятая?»

– Ты зажигалку ищешь? – раздался голос у нее за спиной.

Эйприл обернулась и увидела сияющую улыбкой блондинку. Ее звали Джулия. Эйприл смотрела на нее весь вечер, буквально пожирала глазами, но та никак не отзывалась на ее взгляды. Короткая стрижка, блестящие глаза, воздушная фигура сальфиды и потрясные инопланетные лодочки. Все точно во вкусе Эйприл.

– Ты забыла ее на стойке, – объяснила молодая женщина и, щелкнув перламутровой с розовой эмалью зажигалкой, поднесла Эйприл огонь.

Зажигая сигарету, Эйприл приблизилась, наклонившись к Джулии. Ее загипнотизировала нежная белая кожа, чувственный рот, тонкие черты лица той, что стояла напротив нее. Эйприл почувствовала, как в ней вспыхнуло страстное желание.

– В пабе и не поговоришь, – заметила Джулия.

– Да, действительно. А мне и такая музыка уже не по возрасту, – шутливо заметила Эйприл.

Мигание фар привлекло внимание двух любительниц развлечений.

– Мое такси приехало, – объяснила Эйприл, показывая на машину, остановившуюся у паба. – Если хочешь, могу тебя

подвезти.

Джулия сделала вид, что колеблется. В этой игре она была главной и знала это.

– Спасибо, очень мило, – наконец сказала она, – крюк получится небольшим. Я живу совсем рядом, на Пемброк-стрит.

Женщины уселись на заднее сиденье. Такси помчалось по набережной Чарльз-Ривер, и Джулия изящно опустила голову на плечо Эйприл, которой страстно хотелось ее поцеловать. Но не поцеловала, ей мешал восторженный взгляд шофера в зеркальце.

«Не думай, что ты имеешь право на нас пялиться!» – мысленно ответила она ему, тоже уставившись на него в зеркальце.

Путь был коротким, не прошло и пяти минут, как машина затормозила на середине улицы, обсаженной деревьями.

– Может, хочешь подняться и пропустить стаканчик? – небрежно предложила Джулия. – Моя старинная приятельница, мы с ней вместе учились на факультете, прислала мне настойку из алоэ. Делает сама. Потрясающая штука! Тебе понравится!

Эйприл улыбнулась, обрадовавшись приглашению. Но в последний момент глухая тревога пересилила желание. Да, ей очень нравилась Джулия, но она тревожилась и о Мэтью. Когда она уходила из дома, он был в крайне подавленном состоянии, и, кто знает, какая глупость могла прийти ему в

голову? Нелепая мысль, конечно, но что поделать, если она не выходит у нее из головы? Так и видится – она открывает дверь, а Мэтью болтается в петле. Или лежит без сознания в медикаментозной коме.

– Ты не представляешь, с каким удовольствием я бы попробовала алоэ, но сегодня никак, – горестно пробормотала она.

– Хорошо. Я поняла, – обиженно протянула Джулия.

– Нет, не поняла. Дай мне свой номер телефона. Мы сможем...

– Не сможем.

Красавица блондинка захлопнула дверцу.

«Черт побери! До чего обидно!»

Эйприл тяжело вздохнула и попросила шофера довезти ее до угла Маунт-Вернон и Уиллоу-стрит. И пока они ехали, волнение ее все усиливалось. Она знала Мэтью всего год, но за это время успела всерьез привязаться к нему и к малышке Эмили. Она сочувствовала его горю, ее тревожила его депрессия, но она не знала, чем ему помочь. Мэтью был так привязан к умершей жене, что Эйприл представить себе не могла, что какая-то другая женщина может занять хоть какое-то место в его жизни. Во всяком случае, когда прошло еще так мало времени. Кейт была ослепительна – красавица с добрым и щедрым сердцем. Найдется ли на свете женщина, которая могла бы соперничать с кардиохирургом с внешностью модели?

Такси остановилось возле коттеджа Мэтью. Эйприл расплатилась по счету и постаралась как можно тише отворить дверь. Теперь она думала, что Мэтью лежит на диванчике в отключке после коктейля из пива с анаксиолитиком. Но нет. Она с удивлением обнаружила, что он мирно сидит перед экраном нового ноутбука. По лицу его бродила улыбка, и он слегка покачивал головой, явно слушая джаз.

– Уже вернулась? – удивился он.

– Да, как видишь. Но ты можешь оставить при себе свою радость по поводу моего возвращения, – отозвалась она, почувствовав, что у нее отлегло от сердца.

На кухонном островке она заметила начатую бутылку вина, остатки элитного сыра и запеченного паштета.

– Как я вижу, мы ни в чем себе не отказываем! Неужели ты выходил в магазин? А я-то думала, что ты намерен сидеть у себя в углу безвылазно!

– Мне надоело питаться полуфабрикатами, – принялся неуклюже оправдываться Мэтью.

Эйприл задумчиво посмотрела на него и подошла поближе.

– Со своей новой игрушкой ты забавляешься с удовольствием, – шутливо поддела она его, наклонилась и заглянула через плечо на экран.

Мэтью резким движением хотел захлопнуть компьютер. Ему было не по себе, он не хотел, чтобы Эйприл увидела фотографии, которые он снова извлек из корзины и теперь

рассматривал. Но она оказалась проворнее и помешала ему.

– Прелесть, какая славная, – заявила она, рассматривая Эмму. – Кто такая?

– Сомелье большого нью-йоркского ресторана.

– А что за музыка? Мне казалось, ты не любишь джаз?

– Кит Джарретт¹², «Кёльнский концерт». А ты знаешь, что музыка может влиять на восприятие вина? Ученые выяснили, что определенные джазовые мелодии стимулируют участки мозга, которые обостряют вкус и позволяют лучше оценить сухие вина больших лет. Удивительно, верно?

– Потрясающе! Это тебе твоя новая подружка рассказала?

– Она мне вовсе не подружка. Не говори глупостей, Эйприл!

Молодая женщина с прокурорским видом наставила на него указательный палец.

– А я-то, беспокоясь, так спешила к тебе, что упустила шанс, который бывает раз в жизни!

– Благодарю за участие, но я тебя о нем не просил.

Однако Эйприл продолжала, повышая и повышая голос:

– Я-то думала, ты тут сидишь в депрессии, у тебя в голове дурные мысли бродят, а ты кутишь! Дегустируешь великие сухие вина с девчонкой, найденной по Интернету!

– Стоп! Что ты устраиваешь, Эйприл? Сцену ревности?

Красавица галеристка налила себе бокал вина, но успоко-

¹² Кит Джарретт (1945) – американский джазовый музыкант-исполнитель и композитор.

илась не сразу, ей на это понадобилось время.

– Ладно. Говори, кто эта женщина.

Мэтью попытался увильнуть от расспросов, но в конце концов рассказал все, что произошло этим вечером. Как он обнаружил на жестком диске компьютера фотографии, а потом и о разговоре, довольно странном, который завязался между ним и Эммой. Нажимая клавиши, они беседовали почти три часа, перебегая с темы на тему, посылая друг другу послания по электронке. Оказалось, что оба любят Кэри Гранта¹³, Мэрилин Монро, Билли Уайлдера¹⁴, Густава Климта, Венеру Милосскую, «Завтрак у Тиффани» и «Магазинчик за углом»¹⁵. Они вспомнили споры, которые длились чуть ли не век – кто лучше: битлы или «Роллинг Стоун», Одри Хепберн или Кэтрин Хепберн, «Ред Сокс» или «Янкиз», Франк Синатра или Дин Мартин. Совершенно сошлись в мнениях насчет фильма «Трудности перевода», «высоко ценимом» Мэтью и «непревзойденном шедевре» для Эммы. Обсудили, какая из новелл Стефана Цвейга удалась ему лучше всего и какая из картин Эдварда Хоппера произвела наибольшее впечатление. Какая самая пронзительная песня в альбоме *Unplugged* Нирваны. Каждый привел свои доводы,

¹³ Кэри Грант – англо-американский актер, дважды номинант на премию «Оскар». Воплощение остроумия, невозмутимости и хладнокровия.

¹⁴ Билли Уайлдер (1906–2002) – американский режиссер и сценарист, создавший фильмы в жанре нуар.

¹⁵ «Магазинчик за углом» (1940) – классическая рождественская романтическая комедия.

стараясь доказать, что роман «Джен Эйр» не хуже «Гордости и предубеждения», что читать романы в айпode так же хорошо, как и перелистывая книжные страницы, что *Off the Wall* Майкла Джексона стоит *Thriller*, что сейчас самый лучший сериал «Безумец», а акустическая версия *Layla* не уступит оригинальной! А альбом «*Get Yer Ya – Ya's Out!*» сейчас лучший альбом песен о любви...

– Отлично! Я все поняла, – прервала его Эйприл. – После чего вы провели небольшой сеанс киберсекса!

– Что за глупости! – возмутился Мэтью. – Мы просто болтали.

– Не сомневаюсь.

Мэтью нахмурился. Ему не понравился поворот, какой придала их разговору Эйприл.

– А кто тебе докажет, что эта хорошенькая брюнетка и есть твоя собеседница? – поинтересовалась Эйприл. – Использование чужих фоток – обычная вещь в Интернете. Сам того не подозревая, ты, вполне возможно, болтал три часа со старым дедушкой девяноста лет.

– Ты всерьез задалась целью испортить мне настроение сегодня вечером?

– Напротив, я страшно рада, что ты снова воспрял духом, но не хотела бы, чтобы ты разочаровался. Не слишком доверяйся! Не вкладывайся в этот фантом! Он может оказаться совсем не таким, как тебе показалось.

– Что ты имеешь в виду?

– Советую не слишком многого ждать от встречи. Почему бы тебе не пригласить ее в ресторан?

Мэтью покачал головой.

– Ты с ума сошла? С чего вдруг? Она подумает...

– Ровным счетом ничего! Куй железо, пока горячо. Теперь все только так и делают. Сразу видно, что ты давно ни за кем не ухаживал.

Мэтью недоверчиво взглянул на Эйприл. Он почувствовал, что ступает на зыбкую почву. Ему совсем не хотелось торопить события, гнать горячку. Он ведь и в самом деле не знал, кто она такая, эта Эмма Ловенстайн. Но вынужден был признать, что между ними протянулась ниточка, что им было приятно беседовать друг с другом, что их общение оказалось светлым лучом в череде его сумрачных дней. Романтичность их знакомства тоже грела ему душу. Внезапно вмешавшийся случай... Или, кто знает, судьба?..

– Пригласи ее как можно скорее, – настаивала Эйприл. – Если понадобится, я с удовольствием посижу с Эмили.

Она подавила зевок и взглянула на часы.

– Слишком много выпила, иду спать, – объявила она и помахала ему рукой.

Мэтью ответил слабым взмахом и молча наблюдал, как она поднимается по лестнице. Но вот Эйприл исчезла, и он поспешно открыл компьютер и вызвал кликом почту. Новых сообщений от Эммы не было. Может быть, он ее утомил? Или, кто знает, вдруг права Эйприл? И правда не стоит от-

кладывать встречу надолго?

Мэтью решил выяснить все без отлагательств.

От кого: Мэтью Шапиро

Кому: Эмма Ловенстайн

Тема: Приглашение

«Вы все еще за компьютером, Эмма?»

Минутой позже.

«Нет, я уже в постели, Мэтью, но компьютер стоит рядом. Знаете, скачала Ваш «Антиучебник философии», читаю и не могу оторваться. Оказывается, Цицерон по-латыни означает «горох».

Словно под влиянием неведомой силы Мэтью решился на невозможное.

Сорок пять секунд спустя.

«У меня есть к Вам предложение, Эмма.

Я знаю небольшой итальянский ресторанчик в Ист-Виллидж. Он называется «Номер 5», на юге от Томпкинс-сквер-парка. Хозяин заведения Витторио Бартолетти и его жена – мои друзья детства. Я ужинаю у них всякий раз, когда при-

езжаю в Нью-Йорк читать лекции на сессиях, которые организует «Морган Лайбрери».

Не знаю, хороши ли у них вина, но если Вы любите аранчини по-болонски, лазанью, тальятелле с овощами и канноли по-сицилийски, то этот ресторанчик вам понравится.

Не согласитесь ли Вы там со мной поужинать?»

Спустя тридцать секунд.

«Буду очень рада, Мэтью. Когда Вы приедете в Нью-Йорк в следующий раз?»

Еще тридцать секунд спустя.

«Следующая сессия назначена на 15 января, но почему бы нам не встретиться раньше?

Почему не завтра? Например, в восемь часов вечера?»

* * *

Завтра...

Завтра!

ЗАВТРА!

Эмма чуть не запрыгала на кровати.

Слишком хорошо, чтобы быть правдой!

—Слышишь, Хлодвиг? Умный приятный человек хочет со мной поужинать. Преподаватель философии с неординарной внешностью обратил на меня внимание! — торжественно объявила Эмма собаке, которая дремала в ногах ее кровати.

Но разве для шарпея это могло стать событием? Чтобы его впечатлить, нужно было что-то более масштабное, и на сообщение хозяйки он отозвался лишь вежливым ворчанием.

Зато Эмма уже витала в облаках. Нежданно-негаданно она провела чудесный вечер. По мере того как она писала Мэтью Шапиро и получала ответы, ей становилось теплее, светлее, он был ей симпатичен, она прониклась к нему доверием. А завтра вечером они увидятся по-настоящему... Вот только... Завтра вечером?.. Она же работает!

Охваченная беспокойством, Эмма приподнялась на подушке и едва не опрокинула чашку с чаем из вербены. Вот он, главный недостаток ее работы – по вечерам она занята. Правда, она могла взять день в счет отпуска... Но это надо было делать заранее. Процедура довольно сложная. К тому же конец декабря, в ресторане самое горячее время...

Однако, подумав с минутку, Эмма решила, что огорчаться не стоит. Выход непременно найдется. Например, можно попросить кого-нибудь из коллег заменить ее вечером. Конечно, и это не просто, но вполне возможно. Как бы там ни было, она непременно придет на «галантную встречу», как сказала бы ее бабушка.

И, улыбаясь от души, Эмма отправила свое последнее в

этот вечер послание.

От кого: Эмма Ловенстайн

Кому: Мэтью Шапиро

Тема: Ответ на приглашение

«Договорились, Мэтью. Я обязательно освобожу себе завтрашний вечер.

Спасибо за сегодняшний, он был очень приятным.

До завтра!

Спокойной ночи.

P.S. Я обожаю лазанью и аранчини. А еще тирамису!»

День второй

5. Только между нами...

*Даже играя самого себя, приходится
гримироваться.*

Станислав Ежи Лец

Следующий день

Бостон

12 часов 15 минут

Мэтью закрыл за собой дверь и спустился по ступенькам крыльца на улицу. Ночью шел дождь, а с утра засияло солнце, заливая светом квартал Бэкон-Хилл. Над Луисбург-сквером витали запахи влажной земли и палых листьев, в солнечных лучах деревья в парке светились золотом. Мэтью поправил на спине рюкзачок, надел шлем, вскочил на велосипед и, насвистывая сквозь зубы, помчался по направлению к Пинкни-стрит. Он успел забыть, что на душе может быть так легко. День за днем он жил словно привидение, но сегодня очнулся, пришел в сознание. Мэтью прочитал три лекции в университете и даже шутил со своими студентами, неожиданно ощутив, как замечательно преподавать, когда у тебя хорошее настроение.

Железная рука, что скрутила его и крепко держала внут-

ри, неожиданно ослабила хватку. Мэтью почувствовал, что вокруг него кипит жизнь и он ей совсем не чужой. Хмелея от давно забытого ощущения беззаботности, он завертел педалями быстрее и, осуществив плавный вираж, свернул на Бриммер-стрит. Ветер дул ему в лицо. Увидев впереди Паблик-Гарден¹⁶, он еще прибавил скорости, чувствуя себя одним целым с велосипедом, наслаждаясь ветром и живительным ощущением свободы. Вдоль парка он ехал не спеша, с удовольствием, а затем свернул направо на Ньюбери-стрит.

Благодаря шикарным кафе, модным магазинам, выставочным залам и галереям эта улица всегда была самой оживленной в квартале Бэк Бэй. В солнечную погоду в обеденное время террасы кафе здесь брали с боем. Мэтью поставил велосипед перед элегантным браунстоуном¹⁷ из темного камня, нижний этаж которого занимал ресторан под названием «Бистро 66». Обычно, если Мэтью с Эйприл перекусывали вне дома, они обедали здесь. На террасе он увидел свободное место, сел и помахал официанту. Потом достал вновь приобретенный ноутбук и подсоединился к вай-фаю кафе. Несколько кликов, и он уже зарезервировал себе на сайте Дельта Эйрлайнс авиабилет до Нью-Йорка. Вылет в 17 часов 15 минут, значит, в аэропорту Кеннеди он будет в 19. Как раз вовремя, чтобы успеть на ужин с Эммой. Затем Мэтью на-

¹⁶ Общественный парк в центре Бостона.

¹⁷ Дословно «дом из коричневого камня» – так называют определенный тип домов в больших городах Америки.

брал по мобильнику Нью-Йорк, ресторан «Номер 5» и сразу попал на Конни, а с ней они были давние друзья. Как же давно они не виделись! Конни очень обрадовалась, услышав Мэтью, сказала, что хотела бы рассказать ему кучу новостей, но сейчас у них так много народу, а один из официантов, как назло, заболел. Она записала заказ Мэтью на вечер и пообещала, что они спокойно поговорят обо всем, когда увидятся.

– Место свободно, молодой человек?

Мэтью дал отбой и взглянул на задавшую вопрос женщину.

– Оно свободно и ждет только вас.

Эйприл устроилась рядом с радиатором, который обогрел террасу, подняла руку и заказала бокал Пино Гриджио и пирог с крабами.

– А ты что заказал?

– Маленькую порцию «Цезаря» и воду.

– На диету сел?

– Берегу аппетит для вечера. Я сегодня ужинаю в ресторане.

– Неужели? Так, значит, ты все-таки пригласил свою прекрасную сомелье? Поздравляю, Мэтью. Горжусь тобой!

Им принесли напитки. Эйприл подняла свой бокал, и они звякнули бокалами от души.

– А ты решил, что наденешь? – озабоченно осведомилась она.

Мэтью пожал плечами:

– Да ничего особенного. Поеду как есть.

Нахмутив брови, Эйприл осмотрела его с головы до ног.

– Так! В спортивных брюках, старой толстовке с капюшоном, подростковых кедах и защитной куртке? Не говоря о взлохмаченных волосах и бороде неандертальца?

– Не преувеличивай, пожалуйста!

– Я преуменьшаю, Мэтт! Подумай сам хоть секунду! Эта молодая женщина работает в одном из самых престижных ресторанов Манхэттена. Ее клиенты – бизнесмены, представители мира моды, телевидения, кино – люди утонченные, элегантные, одетые с иголочки. Она примет тебя за деревенщину или за студента-недоучку.

– Но я должен быть тем, кто я есть! Самим собой!

Эйприл отмела его возражение.

– Первая встреча – дело серьезное, к ней надо подготовиться, ясно? Встречают, знаешь ли, по одежке! Первое впечатление остается в памяти навсегда!

Мэтью тут же вскипел.

– «Обращать внимание на внешность – все равно что выбирать книги по обложкам»!¹⁸

– Можешь сколько угодно услаждать себя цитатами! Но я на твоём месте не задираю бы нос, а подумала и...

Мэтью тяжело вздохнул, помрачнел, покрутил в руках сигарету, собираясь поджечь, но не закурил и обратился к Эй-

¹⁸ Афоризм, принадлежащий Лауре Конан, франкоязычной писательнице из Канады.

прил:

– Ладно. Может, дашь мне пару полезных советов?..

Нью-Йорк

13 часов

– Ловенстайн! А не слишком ли много вы себе позволяете?! – прорычал Питер Бенедикт, толкнув прозрачную дверь погреба ресторана «Император».

Главный сомелье чуть ли не бегом бежал к подчиненной, которая укладывала бутылки в проволочный ящик.

– С какой это стати вы взяли на себя право покупать эти вина? – продолжал он рычать, размахивая листком желтой бумаги.

Эмма взглянула на листок. Это был счет с логотипом винодельческой фирмы, занимающейся продажей элитных сухих вин. Заказ был на три бутылки:

Домен Романе Конти (1991) – 1 бутылка;

Эрмитаж Кюве Кателен, Ж.Л. Шав (1991) – 1 бутылка;

Крахер Химмельрейх, Ослезе, домен Ж.Ж. Прюм (1982) – 1 бутылка.

Первая бутылка – волшебное и роскошное бургундское вино, вторая – благородный и родовой шираз и третья – рислинг со сложным сладким вкусом. Все три лучшие сухие, все три безупречного миллезима¹⁹. Три самых замечательных сорта, какие только Эмма пробовала в своей жизни. Но

¹⁹ Года, в который сделано вино.

она их не заказывала и могла в этом поклясться.

– Уверяю вас, Питер, я понятия не имею об этом заказе.

– Стыдно отнекиваться, Ловенстайн! На бланке заказа ваша подпись, и чек – средства переведены со счета ресторана «Император».

– Быть такого не может!

Побелев от гнева, Бенедикт продолжал осыпать Эмму упреками.

– Я только что осведомлялся у экспедитора, и он подтвердил, что бутылки были доставлены в ресторан. Я хочу знать, где они, и немедленно!

– Послушайте, здесь явно какая-то ошибка! Но это не так уж страшно. Нужно только...

– Ах, не страшно? А счет больше чем на десять тысяч тоже не серьезно?!

– Конечно, сумма значительная, но...

– Разбирайтесь с этой суммой как знаете, Ловенстайн! Но я требую, чтобы все было улажено к концу дня! – прошипел он и, угрожающе направив на нее палец, прибавил: – А иначе вон отсюда!

Не дожидаясь ответа, шеф резко повернулся и исчез за дверью.

Эмма несколько секунд приходила в себя, обескураженная яростным нападением. Бенедикт был сомелье старой школы, он считал, что женщинам нечего делать в винных погребах. Свою помощницу он терпеть не мог, и не без причи-

ны. Незадолго до своего скоропалительного ухода Джонатан Лемперер предложил Эмме место главного сомелье. Молодая женщина должна была занять пост Бенедикта в начале этого года, но ему удалось договориться с новой администрацией и затормозить ее продвижение по службе. Теперь главный сомелье думал об одном: как поймать молодую коллегу на каком-нибудь просчете и избавиться от нее раз и навсегда.

Эмма смотрела на счет и мучительно соображала, кто бы мог ее так подставить? Питер Бенедикт был недоброжелательным, злопамятным, но он не был сумасшедшим и не мог затеять такую махинацию.

«Так кто же?»

Заказанные вина выбирались не наобум. Именно этим маркам она отдала предпочтение и рекомендовала их на прошлой неделе, беседуя с журналистом из журнала *«Обозреватель вин»*, который готовил для своего журнала статью о молодых сомелье. Теперь Эмма старалась припомнить, был ли еще кто-то в отделе прессы и коммуникаций, когда они там беседовали.

«Ромуальд Леблан!»

Взволнованная, Эмма чуть ли не бегом выбежала из погреба и поднялась на лифте в администрацию. Не называя себя, сказала, что хочет поговорить со стажером, который был нанят рестораном для сбора информации. Ей назвали номер кабинета, и она быстро вошла туда и плотно закрыла за собой дверь.

– Только между нами, очкарик!

Ошеломленный неожиданным вторжением, Ромуальд Леблан чуть было не подпрыгнул перед экраном своего компьютера. Прыщавый бледный юнец с сальными волосами, подстриженный под горшок, в больших квадратных очках в тяжелой оправе. Сандалии на босу ногу, рваные джинсы, сомнительной чистоты толстовка с капюшоном и футболка «Марвел».

– Добрый день, мисс... э... Ловенштейн, – поздоровался он с ней с французским акцентом.

– Я вижу, ты узнал меня, и для начала это совсем неплохо, – произнесла она с угрозой в голосе и подошла к нему поближе.

Взглянула на экран компьютера и прибавила:

– Значит, ресторан тебе платит за то, чтобы ты пускал слюни перед фотками голых дамочек?

– Нет, конечно, мадам, но... У меня перерыв.

Подростку-французу было явно не по себе, и, желая придать себе уверенности, он откусил большой кусок от начатого шоколадного батончика, что лежал у него на столе.

– Прекрати сейчас же жевать, таракашка, – распорядилась Эмма, достала из кармана счет и помахала им перед носом юнца. – Ты сделал этот заказ? Отвечай!

Паренек сгорбился и опустил глаза.

– Ты! Это сделал ты! – продолжала настаивать Эмма. – Ты слышал наш разговор с журналистом! Ну! Так или нет?

Ромуальд сидел молча, и Эмма повысила голос.

– Послушай меня, желторотая бестолочь, я не собираюсь из-за тебя терять свою работу! Ты можешь молчать и дальше, но в таком случае я иду в администрацию, прошу обратиться в полицию, и ты будешь объясняться с копами!

Угроза познакомиться с полицией подействовала на мальчишку как удар электрического тока.

– Нет! Прошу вас! Да... это я. Вы так расписывали эти вина, что мне захотелось их попробовать.

– Попробовать?! Вина, каждое из которых стоит больше трех тысяч долларов за бутылку?! Нет, ты на самом деле кретин, и в голове у тебя манная каша! И как же ты их заказал?

Ромуальд кивнул на компьютер.

– Проще простого! Все ваши компы да и вообще вся система не охраняется. Две секунды, и я уже в базе данных бухгалтерии вашего ресторана.

– А где бутылки? – спросила Эмма, почувствовав, что сердце у нее замерло. – Ты их открыл?

– Нет, они вон там, – сообщил Ромуальд и поднялся со своего места. Он доплелся до металлического шкафа и вытащил оттуда ящичек из светлого дерева с тремя драгоценными бутылками.

«Слава тебе господи!»

Эмма тщательнейшим образом осмотрела каждую, все три были в целости и сохранности.

Она немедленно позвонила в фирму поставщика, сообщив-

ла, что заказ из «Императора» был пиратским, и предложила за свой счет отправить полученное вино обратно с тем, чтобы счет был аннулирован. Она почувствовала величайшее облегчение, когда ее предложение было принято.

Несколько секунд она наслаждалась ощущением, что все неприятности позади и работу она не потеряла. Потом вспомнила о вечернем свидании, и сердце у нее защемило. Желая себя подбодрить, она взглянула на свое отражение в зеркале, и настроение у нее испортилось окончательно. Выглядела она отвратительно. Тусклые волосы, уродская стрижка. Нет, с такой прической нельзя понравиться молодому преподавателю из Гарварда. Эмма тяжело вздохнула и вспомнила о юном стажере.

– Знаешь, я все-таки обязана сообщить о твоём проступке начальнику по кадрам. Нарушение очень серьезное.

– Нет, прошу вас! Только не это!

Паренек раскис, на глазах появились слезы.

– Плачь, плачь, – со вздохом посоветовала Эмма, – писать меньше придется.

Но все-таки протянула ему носовой платок и дождалась, пока он успокоится.

– Сколько тебе лет, Ромуальд?

– Шестнадцать с половиной.

– Откуда приехал?

– Из Бона, это город на юге от Дижона, там...

– Я знаю, где находится Бон. Несколько сортов прекрас-

ных французских вин производят как раз в твоём районе. И сколько времени ты работаешь в «Императоре»?

– Две недели, – ответил он, снимая очки, чтобы вытереть глаза.

– Тебя интересует эта работа?

Ромуальд помотал головой и показал подбородком на компьютер.

– Не, меня только машинки интересуют.

– Компьютеры? – уточнила Эмма. – А почему ты тогда очутился в ресторане?

Паренек рассказал, что его подружка после бакалавриата уехала в Нью-Йорк в семью «на равных», чтобы работать и учиться.

– И она тебя бросила? – догадалась Эмма.

Он молча кивнул

– Родители знают, что ты в Америке?

– Да, но у них сейчас своих проблем выше крыши, – сообщил паренек с отсутствующим видом.

– А как тебе удалось раздобыть работу здесь, в Нью-Йорке? У тебя же нет документов и ты несовершеннолетний.

– А я состарил себя немного и сварганил себе разрешение для получения временной работы.

«Сварганил разрешение»! Понятно, почему он так боится полиции и не хочет привлекать внимание администрации». Эмма посмотрела на подростка с сочувствием, теперь он вызывал в ней не только жалость, но и восхищение.

– А где ты всему этому научился, Ромуальд?

Он пожал плечами.

– Много чего можно делать, если умеешь пользоваться компом, – сказал он.

Эмма продолжала его расспрашивать, и он рассказал, что в тринадцать лет просидел несколько часов под арестом из-за того, что распространял в Интернете пиратскую версию перевода последнего тома «Гарри Поттера». Потом он вскрыл сайт своего лица и развлекался тем, что ставил себе другие отметки и посылал родителям учеников всякие дурацкие послания по электронной почте. В июне этого года он добыл в три клика темы бакалавриата по естественным наукам, желая помочь подруге. А в начале июля порезвился немного в Фейсбуке на странице президента Николя Саркози. Пустяки, школьные проказы, но на Елисейских Полях не понимают детских шуточек. Власти мигом до него дотянулись. Из-за этих неприятностей он нажил другие, еще хуже: его не хотели допускать к выпускным экзаменам, а потом дали волчий билет по части компьютеров...

Эмма слушала рассказ парнишки, и вдруг ее осенило.

– Давай садись за компьютер, – распорядилась она.

Он послушно уселся за свой стол и нажал на клавишу, переводя компьютер в рабочий режим.

Эмма взяла стул и села с ним рядом.

– Посмотри на меня внимательно, Ромуальд.

Явно нервничая, паренек снял и снова надел очки, но не

выдержал взгляда Эммы и отвел глаза.

– Вы... вы очень красивая, – пробормотал он.

– Нет, не очень, – усмехнулась Эмма. – Точнее, страшная. Но ты мне поможешь решить проблему.

Она подсела к клавиатуре и быстренько вышла на сайт парикмахерского салона. На светлом без всяких украшений фоне заплясали светящиеся буквы:

Акахико Имамура

Стилист

– Акахико Имамура, парикмахер-японец, произвел революцию в области причесок, – объяснила Эмма. – На Манхэттене он – лучший из лучших, мэтр, мастер стрижки и краски. Анджелина Джоли, Энн Хэтэуэй, Кейт Бланшетт – все звезды стригутся и причесываются у него. Лучшие дома моды стремятся заполучить его на время своих показов. Говорят, он маг и волшебник, и мне для сегодняшнего вечера очень пригодилось бы его искусство. Беда только в том, что у него очередь и записываются к нему за два месяца.

Ромуальд мигом сообразил, чего от него ждут, пальцы его забегали по клавишам.

– У Имамуры в Нью-Йорке три салона, – продолжала Эмма, пока паренек с умопомрачительной скоростью работал на компьютере, – один в Сохо, второй в Мидтауне, третий в Верхнем Ист-Сайде.

– В Ист-Сайде он и работает сегодня во второй половине дня, – объявил Ромуальд, выведя на экран список клиентов

парикмахера.

Потрясенная Эмма наклонилась к списку.

– Та же самая процедура, что и при заказе столика в ресторане, – пояснил юный француз.

– А ты можешь изменить фамилию?

– Ясное дело! А иначе что мы тут делаем? В какое время вы хотите к нему попасть?

– В пять часов. Это возможно?

– Детские игрушки!

И Ромуальд вписал имя Эммы вместо назначенной на пять часов клиентки и тут же отправил уведомление вычеркнутой о том, что сегодняшний визит отменяется.

Эмма не верила своим глазам.

– Ну, ты и молодец, Кларк Кент!²⁰ – радостно одобрила она и чмокнула его в щеку. – Ты тоже, оказывается, маг и волшебник!

Щеки Ромуальда вспыхнули.

– Это совсем не сложно, – скромно сказал он.

– Ты, может, и не похож на крутого, но ты крутой, – подбодрила на прощание Эмма, вставая. – Но все это только между нами. Договорились?

²⁰ Главный герой сериала «Тайны Смолвиля», современная версия Супермена.

Бостон

магазин «Брукс Бразер»

15 часов 30 минут

– Вот теперь ты сама элегантность, – одобрила Мэтью Эйприл. – Классический покрой смотрится на тебе лучше всего: плечи четко обрисованы, подчеркнута стройность фигуры, и в то же время чувствуется полная свобода движений. Изысканно и всегда в моде.

Мэтью смотрел на свое отражение в большом зеркале модного магазина и не узнавал сам себя: идеально выбритый, с короткой стрижкой, в костюме, который сидел на нем как влитой.

«Интересно, когда я в последний раз надевал костюм?» – подумал он.

Ответ последовал сразу же и был не сказать чтобы очень радостным.

«В день свадьбы».

– Еще немного, и я поменяю ориентацию, – промурлыкала Эйприл и застегнула ему на пиджаке пуговицу.

Он принудил себя улыбнуться в благодарность за ее старания, которых она для него не пожалела.

– Сейчас дополним костюм прямым пальто из шерстяного драпа и помчимся в аэропорт, – заключила она, взглянув на

часы. – В это время всегда пробки, но ты ни за что не опоздаешь на свой самолет! Обещаю!

Заплатив за покупки, они уселись в «Камаро», и Эйприл взяла курс на международный аэропорт Логан. За всю дорогу Мэтью не проронил ни слова. По мере того как день превращался в вечер, оживление Мэтью гасло, энтузиазм улещивался. Теперь встреча с Эммой Ловенстайн не казалась ему такой уж удачной идеей, как вчера вечером. Чем больше он думал о своей эскападе, тем нелепее она ему представлялась. Бред какой-то. Бессмыслица. Результат воздействия вина и таблеток. Неизвестно, какая женщина, минутное увлечение перепиской, куча хлопот и взаимное разочарование. Другого ждать нечего.

«Камаро» свернул на дорожку, ведущую к стоянке, где машины парковались только на короткое время. Эйприл остановилась прямо перед терминалом. Сейчас ее друг выйдет из машины и отправится дальше. Прощаясь, подруга обняла Мэтью и постаралась его ободрить.

– Я прекрасно знаю, о чем ты сейчас думаешь, Мэтт. Знаю, что тебе сейчас несладко и ты страшно жалеешь, что связался в эту историю. Но я тебя умоляю: пойдй на эту встречу. Обязательно!

Соглашаясь, он кивнул головой, хлопнул дверцей машины и забрал сумку из багажника. На прощание помахал Эйприл рукой и вошел в здание аэропорта.

Быстрым шагом пересек холл. Регистрацию он уже про-

шел на домашнем компьютере, так что оставался только контроль безопасности. После него Мэтт отправился в зал ожидания. Когда настало время садиться в самолет, ему внезапно стало не по себе, он засомневался, а потом почувствовал настоящий страх. На лбу выступил пот. Множество самых разных мыслей застучало в висках. Перед глазами с отчаянной ясностью возникло лицо Кейт... Но он не поддался чувству вины, быстро-быстро поморгал, и картина расплылась. Мэтью подал билет бортпроводнице.

* * *

Магазин «Бергдорф Гудман»

Пятая авеню

16 часов 15 минут

Эмма слегка растерялась, оказавшись среди витрин дорогого нью-йоркского магазина. И было от чего оробеть — огромное здание из белого мрамора подавляло, равно как и красавицы продавщицы, похожие на фотомоделей. И не хочешь, а почувствуешь себя серой мышкой. Эмма прекрасно знала, что «такой вот магазин», где не обращают внимания на цены и куда красивые, богатые и уверенные в себе женщины заходят просто, чтобы что-то примерить, совсем не ее магазин. Но сегодня она чувствовала: свою неуверенность она преодолееет.

Ночью Эмма так и не смогла заснуть. Вскочила чуть ли

не на рассвете и полезла в шкаф поинтересоваться, что у нее там есть. Что можно выбрать? Что ей больше всего к лицу? Примеряла то одно, то другое и наконец остановилась на блузке шоколадного цвета, вышитой медной ниткой, и юбке-карандаше из черного шелка с высокой талией. Туалет ей шел, она выглядела эффектно. Но нужна была верхняя одежда – теплая накидка или пальто. Ее пальтецо никуда не годилось: жалкое, поношенное уродство. Едва войдя в магазин, ноги сами понесли ее к великолепной накидке из парчи. Она погладила шелковистую ткань, мерцающую переплетением золотых и серебряных нитей. Накидка была так прекрасна, что Эмма не могла решиться ее примерить.

– Я могу вам чем-то помочь? – осведомилась продавщица, заметив ее нерешительность.

Эмма сказала, что хочет примерить накидку. Та сидела идеально и была сшита словно специально для нее... Но цена! Две тысячи семьсот долларов. Чистое безумие! Такую трату Эмма не могла себе позволить.

Если говорить о деньгах, то на первый взгляд Эмма зарабатывала очень даже прилично. Но жила-то она в Манхэттене, а здесь все в три раза дороже. Но и это не главное. Львиную долю своих сбережений Эмма тратила на оплату сеансов психоаналитика. Жизненно важная трата. Раз в неделю Эмма посещала Маргарет Вуд, своего психотерапевта, которая буквально спасала, когда Эмме становилось совсем худо. Маргарет учила ее защищаться, воздвигать преграду между

собой и страхами, нападавшими на нее, норовя утащить в бездну безумия. Вот и сейчас тоже ей явно грозило безрассудство.

Эмма хорошенько подумала и вышла из примерочной.

– Нет, я не беру ее, – решительно и твердо сказала она.

И осталась очень довольна, что справилась с искушением.

Направляясь к выходу, она взглянула на витрину с обувью и восхищенно замерла перед лодочками Брайан Этвуд – розоватыми, матовыми... Выставленная модель была как раз ее размера. Она примерила туфельку и почувствовала себя Золушкой. Лодочки, словно змеи, меняли цвет, отливали то серым, то сиреневым. А каблук! Высокий, лакированный, умопомрачительный! Такие туфли украсят все, что ни надень! Позабыв все свои разумные рассуждения, Эмма достала кредитную карту, готовясь заплатить заоблачную цену – тысячу пятьсот долларов. Но прежде, чем отправиться к кассе, она поспешно вернулась в секцию верхней одежды и выписала себе накидку из парчи.

И вот итог магазинных безумств: полтора месяца работы улетели, как дым, в одну минуту.

Оказавшись снова на Пятой авеню в новой накидке и туфлях, Эмма почувствовала леденящий холод. Она закуталась потеплее в шарф и наклонила голову, спасаясь от пронзительного ветра. Но лицо у нее мгновенно застыло, руки и ноги окоченели. Из глаз потекли слезы, щеки обжигало. Идти пешком при таком сумасшедшем ветре она не решилась,

подошла к краю тротуара и остановила такси. Шоферу она дала адрес парикмахерского салона, но попросила сделать крюк и заехать в Рокфеллер-центр. Поднялась в «Император» и оставила у портье сумку со старым пальто и туфлями.

Парикмахерский салон Акахико Имамуры располагался в самом центре Верхнего Ист-Сайда. Просторный, ярко освещенный, с бежевыми стенами, мебелью светлого дерева, кожаными диванами и прозрачными консолями с орхидеями.

Эмма назвала свою фамилию администратору, и та проверила назначенное время. Все в порядке, записана на пять. Компьютерные манипуляции Ромуальда сработали.

Помощница мэтра принялась мыть Эмме голову, массируя кожу головы и осторожно перебирая медные пряди. Умелые пальцы принесли расслабление, Эмма успокоилась, забыла о своих тратах, неуверенности, заботах и с наслаждением отдалась ласкающим утонченным ощущениям. Вскоре появился Имамура, очень сдержанный и прямой. Он смотрел в пол и церемонно поздоровался с ней. Эмма достала из сумочки вырезанную из журнала фотографию Кейт Бекинсэйл.

– Можно мне сделать такую же прическу? – спросила она.

Имамура даже не взглянул на фото. Зато он долго вглядывался в лицо своей клиентки, потом тихо сказал несколько слов по-японски своей помощнице, которая занималась окраской. Взял ножницы и начал стричь. Он работал минут двадцать, а потом передал Эмму своей помощнице, которая

очень быстро сменила оттенок волос клиентки с медного на горький шоколад. Как только процедура окрашивания была закончена, Имамура сам прополоскал волосы Эммы и продолжил свою работу. Прядь за прядью он накручивал волосы на большие бигуди, сушил их, а затем занялся прической.

Результат превзошел все ожидания! Приподнятые на затылке волосы струились каскадом. Изысканная, неожиданная прическа подчеркнула природную женственность Эммы, придала ее лицу особое сияние. Светлые глаза стали ярче. Эмма придвинулась к зеркалу, зачарованная своим новым обликом. Несколько непокорных прядей выбивались из шиньона, так что законченный образ смотрелся очень органично. Ни намек на искусственность! А цвет? Он был великолепен! Лучше, чем у Кейт Бекинсэйл. Никогда еще Эмма не была такой красивой.

С легким сердцем она села в такси и поехала в Ист-Виллидж. В машине достала косметичку и немного подкрасилась – чуть-чуть розовых румян, золотистая тень на веки, коралловый блеск на губы.

Стрелки часов показывали восемь часов одну минуту, когда она толкнула дверь маленького итальянского ресторанчика «Номер 5», на юге от Томпкинс-сквер-парк...

* * *

«Дельта 1816» приземлился в аэропорту Кеннеди с

небольшим опозданием. Мэтью, сидя в салоне в хвостовой части, нервничал и поглядывал на часы. Уже семь часов восемнадцать минут. Едва ступив на землю, он ринулся к очереди, выстроившейся на стоянке такси, и простоял в ней еще двенадцать минут, прежде чем сел в машину. Назвал шоферу адрес ресторана и, как часто показывают в фильмах, пообещал хорошие чаевые, если они приедут в восемь. Оказалось, что и в Нью-Йорке невероятно тепло для декабря. Машин было немало, но гораздо меньше, чем ожидал Мэтью. «Желтому такси» удалось очень быстро миновать Квинс, промчаться по Вильямсбургскому мосту и удачно пробраться по улочкам Ист-Сайда. В восемь часов три минуты такси остановилось у дверей «Номера 5».

Мэтью облегченно вздохнул. Он приехал вовремя. Можно даже надеяться, что приехал первым. Он расплатился с шофером и вышел из машины. Странное ощущение – возбуждение и нервозность одновременно. Он еще раз глубоко вздохнул, стараясь успокоиться, и толкнул дверь итальянского ресторанчика.

6. Подстерегающие нас случайности

*И вижу я, что время – царь людей: Рождает
их, могилы роет им, Не их желаньям внемлет, а*

*своим*²¹.

У. Шекспир

«Перикл, царь Тирский»

Ресторан «Номер 5»

Нью-Йорк

Восемь часов одна минута

С колотящимся сердцем Эмма подошла к ресепшен. Из-за стойки ей приветливо улыбнулась красивая молодая женщина.

– Добрый вечер, у меня встреча с Мэтью Шапиро. Он заказал столик на двоих.

– Неужели Мэтью в Нью-Йорке?! – воскликнула хостес. – Приятная новость!

Она заглянула в список предварительных заказов и, судя по всему, имени Мэтью Шапиро там не обнаружила.

– Скорее всего, он позвонил прямо на мобильный Витторио, моему мужу. А муж по рассеянности забыл меня предупредить. Ничего страшного, сейчас я найду вам чудесное местечко на галерее, – пообещала она и вышла из-за стойки.

Эмма отметила про себя, что молодая женщина готовится стать матерью. И очень-очень скоро.

– Могу я забрать у вас накидку?

– Нет, спасибо.

– Она просто потрясающая.

²¹ Перевод О.Мандельштама.

– А цена! Поверите? Бешеная! Но я рада, если она эффектно выглядит.

Женщины обменялись улыбками.

– Меня зовут Конни.

– Очень приятно, а меня Эмма.

– Следуйте за мной, пожалуйста.

По деревянной лесенке они поднялись на галерею со сводчатым потолком.

Хозяйка указала госте столик у ограды, откуда был виден главный зал.

– Могу я предложить вам аперитив? На улице так холодно! Не откажетесь от стаканчика горячего вина?

– Пожалуй, я все-таки подожду Мэтью.

– Хорошо, – согласилась Конни и, прежде чем уйти, положила перед Эммой меню.

Эмма огляделась по сторонам. Ресторан был уютным, с теплой, приятной, обволакивающей атмосферой. На обложке карты меню набранный мелким шрифтом текст объяснял, что ресторан назван «Номер 5» в честь Джо Ди Маджо. Когда легендарный бейсболист играл за клуб «Янкиз», он и в самом деле носил футболку с номером 5. На кирпичной стене красовалась фотография чемпиона и Мэрилин Монро, словно бы намекая, что эта пара когда-то обедала в ресторане. Поверить в это было трудно, но идея была удачной.

Эмма взглянула на часы: четыре минуты девятого.

Ресторан «Номер 5»

Нью-Йорк

Восемь часов четыре минуты

– Мэтт! Вот сюрприз так сюрприз! – радостно приветствовал друга Витторио, заметив Мэтью, входящего в ресторан.

– Рад тебя видеть, Витторио!

Мужчины обнялись.

– Почему не предупредил, что приезжаешь?

– Я звонил утром Конни. Она здесь?

– Нет, осталась вечером дома. У Пола, знаешь ли, снова отит.

– Сколько ему уже?

– В январе исполнится год.

– Фотография есть?

– Конечно! Полюбуйся, как вырос!

Витторио достал из кармана бумажник и показал фотографию щекастого мальчугана.

– Да-а, здоровенный уже парнище, – улыбнулся Мэтью.

– И все благодаря пицце, которую я запикиваю ему в бутылочку! – пошутил Витторио, заглядывая в список предварительных заказов.

– Нашел! Ты попросил Конни оставить тебе наш «столик для влюбленных». Надеюсь, она хорошенькая, твоя знакомая, а, Мэтт?

– Успокойся, ладно? – смущенно отозвался Мэтью. – Она еще не пришла?

– Нет. За столиком никого. Пойдем я тебя посажу. Аперитив хочешь?

– Нет, спасибо. Я подожду Эмму.

Ресторан «Номер 5»

Нью-Йорк

Восемь часов шестнадцать минут

«Как видно, ваши родители, Мэтью Шапиро, не приучили вас к точности. А точность, как известно, вежливость королей!» – вынесла свой приговор Эмма, взглянув на часы.

С галереи ей было очень удобно наблюдать за входной дверью. Всякий раз, как та распахивалась, Эмма ждала, что войдет Мэтью, и всякий раз обманывалась. Она повернула голову и стала смотреть в окно. На улице пошел снег. Крупные белые хлопья кружились в свете фонарей. Эмма вздохнула и вытащила из сумочки мобильник, надеясь, что найдет послание от Мэтью.

Ничего подобного.

Немного поколебавшись, она решила сама отправить ему сообщение со смартфона. Несколько ни к чему не обязывающих фраз, которые не выдадут ее нетерпения.

*«Дорогой Мэтью,
я пришла в ресторан «Номер 5».*

Жду вас за столиком.

Пицца с артишоками, пармезаном и дикой горчицей вы-

глядит невероятно аппетитно.

Я проголодалась.

Эмма».

** * **

Ресторан «Номер 5»

Нью-Йорк

Восемь часов двадцать девять минут

– Однако принцесса заставляет себя ждать! – улыбнулся другу Витторио, поднявшись на галерею.

– Да, так оно и есть, – согласился Мэтью.

– А ты не хочешь ей позвонить?

– Знаешь, мы не обменялись телефонами.

– Ну, ничего, не волнуйся, мы же в Манхэттене. Ты прекрасно знаешь, что широкие взгляды нью-йоркцев распространяются и на время.

Мэтью хоть и нервничал, но улыбнулся. Не имея возможности позвонить, он отправил Эмме сообщение, чтобы известить, что он приехал.

«Дорогая Эмма,

мой друг Витторио хочет угостить Вас тосканским вином санджовезе с маленького виноградника возле Сиены. Он не устает восхвалять итальянские вина, лучшие которых нет на свете. Приходите скорей, чтобы сбить с него спесь.

Мэтт».

* * *

Ресторан «Номер 5»

Нью-Йорк

Восемь часов сорок шесть минут

У Эммы окончательно испортилось настроение. Невоспитанное хамло! Опоздать на сорок пять минут и не позвонить, не послать эсэмэс с извинением!

– Если хотите, я попробую позвонить Мэтью на мобильник? – предложила Конни.

Милая хозяйка ресторана заметила нервозность своей гостьи. Эмме было очень не по себе, но она ответила:

– Да, пожалуй... Спасибо. Позвоните.

Конни набрала телефон Мэтью, но ей ответил автоответчик.

– Не беспокойтесь, он сейчас придет. Думаю, все дело в метели.

Тоненький звоночек сообщил о прибытии сообщения.

Эмма посмотрела на экран. Сообщение извещало об ошибке. По неизвестной причине ее сообщение Мэтью не могло быть доставлено.

«Странно!»

Эмма проверила адрес и послала второе сообщение. Но его постигла та же участь...

Ресторан «Номер 5»

Нью-Йорк

Девять часов тринадцать минут

– Я думаю, она не придет, – со вздохом сказал Мэтью, беря бутылку пива, которую ему протянул Витторио.

– Не знаю, что тебе и сказать, – с грустью отозвался приятель. – «Сердце красавицы склонно к измене и перемене, как ветер мая...»

– Это уж точно, – подтвердил Мэтью.

Он послал еще два электронных послания Эмме, но не получил никакого ответа.

Мэтью посмотрел на часы и встал.

– Вызовешь мне такси до аэропорта?

– А ты уверен, что не хочешь у нас переночевать?

– Нет, спасибо, Витторио. Прости, что без толку занимал у тебя столик. Поцелуй за меня Конни.

Мэтью ушел из ресторана в половине десятого и был в аэропорту в десять минут одиннадцатого. Взяв билет до Нью-Йорка, он зарегистрировался на предпоследний в этот день рейс.

Почтовый самолет вылетел из Нью-Йорка в назначенное время и сел в Бостоне в двенадцать часов двадцать три минуты. В этот час бурная жизнь аэропорта стихала. Мэтью сразу

же, как только высадился из самолета, поймал такси и был дома вскоре после двенадцати.

Когда он вошел в дом, Эйприл уже поднялась к себе. Мэтью заглянул в комнату Эмили и убедился, что дочка крепко спит. Потом снова спустился на кухню. Он налил себе в стакан воды и машинально включил ноутбук, который так и остался лежать на стойке бара. Проглядывая почту, он увидел письмо от Эммы Ловенстайн. Письмо, которое почему-то было отправлено ему на компьютер, а не на телефон...

* * *

Ресторан «Номер 5»

Нью-Йорк

Девять часов двадцать девять минут

Эмма вышла из ресторана и села в такси, которое вызвала для нее Конни. Ветер стих, но снегопад продолжался, и снег на тротуарах уже не таял. Сидя в машине, Эмма старалась не поддаваться черным мыслям, но ничего не могла с собой поделать: гнев и обида душили ее. Она чувствовала себя униженной, преданной. Ненавидела себя за то, что снова попала в ловушку, которую расставил ей мужчина. Снова доверилась красивым словам. Наивная дура! Идиотка!

Влетев в холл своего дома номер 50 на Норт Плаза, она бегом спустилась по лестнице в подвал. В общей прачечной ни души. Печально. Темновато. Эмма миновала унылый ко-

ридор с облупленными стенами и оказалась возле мусорных ящиков – в самом грязном, самом затхлом углу их дома. В ярости она оторвала каблуки от своих новых туфель и швырнула их в металлический контейнер. Та же участь постигла и бесценную накидку. Эмма в порыве бешенства разорвала ткань буквально в клочки.

Вся в слезах, Эмма влетела в лифт, безутешно рыдая, пока кабина плавно поднималась. Отперла дверь и, не обращая внимания на радостное повизгивание Хлодвига, кинулась в ванную, кое-как скинула одежду и встала под ледяной душ. Она чувствовала, как в ней снова поднимается непреодолимое желание причинять себе боль, обратить на себя всю ту ярость, которая буквально раздирала ее. Как же мучительно не быть хозяйкой собственных чувств! Мучительно и страшно. Как возможно за несколько минут перейти от радостного подъема к опустошающему отчаянию? От всепоглощающей радости к беспросветной черноте?

Стуча зубами от холода, Эмма покинула стеклянную кабинку, завернулась в махровый халат, взяла из аптечки снотворное и спряталась под одеяло. Но, несмотря на таблетку, сон не шел. Она вертелась под одеялом и так и этак, пытаясь улечься поудобнее, надеясь приманить сон, но в конце концов отчаялась и безнадежно уставилась в потолок. Ей не заснуть, она слишком возбуждена. К часу ночи она не выдержала, включила компьютер и отправила последнее письмо человеку, который довел ее до такого состояния. Написа-

ла и захлопнула крышку с наклейкой, изображающей Еву с яблоком.

* * *

Удивленный, Мэтью поспешил прочесть, что написала ему Эмма.

От кого: Эмма Ловенстайн

Кому: Мэтью Шапиро

Тема: Хамство

«Вопреки впечатлению, которое вы произвели на меня, вы оказались человеком грубым и невоспитанным. Не смейте мне больше писать».

От кого: Мэтью Шапиро

Кому: Эмма Ловенстайн

Тема: Re: Хамство

«О чем Вы говорите, Эмма? Я целый вечер прождал Вас в ресторане! Я послал Вам два сообщения, на которые Вы не ответили! И Вы же на меня в обиде?»

От кого: Эмма Ловенстайн

Кому: Мэтью Шапиро

Тема: Re: На: Хамство

«Ах, вот как?! Вы же еще перекладываете все на меня?!

Какую игру вы ведете? Подыскали бы себе хоть какое-то оправдание, сослались на холод, на снег. У вас был выбор!»

«Какой снег, Эмма? Я не понимаю Ваших упреков. Это Вы – а не я – обманули меня и не пришли».

«Я пришла на встречу с вами, Мэтью! Я ждала вас весь вечер и не получила от вас ни строчки!»

«Наверное, Вы ошиблись рестораном».

«Нет. Есть только один ресторан «Номер 5» в Ист-Виллидж. Я даже беседовала с вашей знакомой Конни, женой Витторио».

«Вы говорите неправду: Конни сегодня не было в ресторане».

«Как это не было, когда была! Хорошенькая брюнетка с короткой стрижкой, беременная чуть ли не на восьмом месяце!»

«Вы говорите невесть что, Эмма. Конни почти год как родила!»

Мэтью, собираясь нажать на клавишу и отправить очередное послание, поднял голову от экрана и вздохнул. Их разговор напоминал беседу двух глухих. Похоже, что Эмма говорила совершенно искренне, но все, что она говорила, было чушью. Полной нелепицей. Все ее объяснения!

Мэтью попил водички и протер глаза.

«Подумать только! Видите ли, идет снег, Конни беременна...»

Он внезапно нахмурился и принялся внимательно пере-

читать послания Эммы, которые получал со вчерашнего вечера. Перечитывал, и странное-престранное подозрение стало закрадываться ему в душу. Безумная мысль. Но она единственная что-то объясняла. Он быстро набрал:

«Какое у нас сегодня число, Эмма?»

«Вы это сами прекрасно знаете: 20 декабря».

«А какой год?»

«Вы хотите и дальше надо мной издеваться?!!»

«Умоляю, ответьте, пожалуйста: какой год!»

«Он точно ненормальный псих», – вынесла вердикт Эмма, стискивая руки и задумываясь. На всякий случай она перечитала послания Мэтью. Дата на всех была декабрь... 2011. Будущий год, а не тот, в котором они жили сейчас...

* * *

Эмме стало страшно, и она выключила компьютер.

Прошло немало времени, прежде чем она отважилась сказать сама себе, каким образом ей представляется вся эта история.

Она живет в 2010 году.

Мэтью живет в 2011-м.

И по совершенно непонятной причине компьютер – единственная для них возможность общаться...

Часть 2

Параллели

День третий

7. Параллели

Страх не обходится без надежды, а надежда – без страха.

Барух Спиноза

На следующий день

21 декабря

На следующее утро, едва проснувшись, Эмма и Мэтью оба поспешили к компьютерам, лихорадочно открыли почту и с облегчением обнаружили, что новых посланий нет.

– Папа! Пойдем сегодня выбирать для меня подарки к Новому году! – закричала Эмили, влетая в кухню и бросаясь отцу в объятия.

Мэтью подхватил дочку и усадил рядом, на соседний табурет.

– Сначала говорят «доброе утро», – сообщил он.

– Доброе утро, пап, – повторила малышка, зевая и потя-

гиваясь.

Мэтью наклонился и поцеловал ее, а Эмили продолжала:

– Пойдем, да, пап? Ты же обещал!

– Раз обещал, значит, пойдем, мышонок. Конечно, сначала надо присмотреть, что по-настоящему нравится, а потом уже писать письмо Деду Морозу.

«Ох, уж этот Дед Мороз...» Мэтью вовсе не был уверен, что полезно и хорошо поддерживать традиционные предрассудки и вводить маленьких детей в заблуждение. Сам он терпеть не мог лжи, никогда не обманывал свою дочь и считал, что было бы очень полезно рассказать Эмили правду о Дедушке Морозе. Это помогло бы ей мыслить логически, сформировало бы рациональный взгляд на вещи, способствовало взрослению, в конце концов. А с другой стороны, может, слишком рано лишать ее очарования волшебной сказки? Девочка прожила тяжелый год. Она лишилась матери. И, кто знает, наверное, пока не стоило отбирать у нее еще и веру в чудеса, которая могла бы помочь ей обрести душевное равновесие. Как бы там ни было, Мэтью в этом году решил закрыть глаза на отступление от своих правил и отложил на будущий год разоблачение этой «большой тайны».

– А кто у нас хочет йогурт со злаками? – раздался веселый голос Эйприл, спускающейся по лестнице.

– Я! Я! – закричала Эмили и, соскочив с табурета, побежала навстречу молодой женщине.

Эйприл подхватила ее на руки и расцеловала.

- Пойдешь с нами в магазин игрушек? – спросила Эмили.
- Эйприл сегодня работает, – сообщил Мэтью.
- Но сегодня же воскресенье, – удивилась девочка.
- Последнее перед Новым годом, – объяснила Эйприл. –

Магазины работают целый день, чтобы взрослые успели купить подарки всем. Но я иду в галерею только к двенадцати, так что охотно прогуляюсь вместе с вами.

– Супер! А ты можешь дать мне большую чашку горячего шоколада с маршмеллоу?

– Если папа позволит...

Мэтью не стал возражать против сладостей на завтрак. Эйприл подмигнула ему, включила радио и принялась накрывать на стол.

Но ей не терпелось узнать, как же прошло вчерашнее свидание, и она задала животрепещущий вопрос как можно более равнодушным тоном:

– Ну и как прошел вечер?

– Полное фиаско, – негромко ответил Мэтью, засыпая кофе в кофеварку.

Он искоса взглянул на Эмили. Она дожидалась какао, играя на планшете в Энгри Бердс, убивая злобных зеленых свиней, которые крадут птенчиков у птиц. Полушепотом Мэтью рассказал приятельнице немыслимое вчерашнее приключение.

– Действительно, авантюра. И дурного тона, – признала Эйприл. – И что ты собираешься делать?

– Да ничего. Забуду как страшную глупость, и все дела. Надеюсь, посланий от этой женщины получать больше не буду.

– Говорила же я тебе, что знакомства в Интернете – вещь опасная!

– Ты?! Мне?! Говорила?! А кто настоял, чтобы я пригласил ее в ресторан?

– Не хотела, чтобы ты завяз в иллюзорном мире. Согласись, знакомство было слишком красивым, в жизни такого не бывает. Женщина, с которой у вас одинаковые вкусы, одинаковое чувство юмора и которая в один миг заставляет тебя открыть забрало и забыть об опасности.

– Да, конечно, с самого начала мне нужно было быть осторожнее...

Похоже, Эйприл хотела подольше вертеть ножом в открытой ране: она принялась рассказывать одну за другой истории о всевозможных мошенничествах в Сети. Душераздирающие байки о доверчивых мужчинах, которые считали, что нашли избранницу своего сердца, а потом понимали, что попали в руки обманщиков, намеревавшихся лишить их состояния.

– Эта девица или мошенница, или сумасшедшая, – заключила Эйприл. – Но в любом случае она заранее собрала о тебе сведения, иначе не втерлась бы так ловко к тебе в доверие. Вполне возможно, существует некто, кто тебя хорошо знает и выступает под чужим именем.

«Может, кто-то из моих учениц», – задумался Мэтью.

Он неожиданно вспомнил трагический случай, произошедший в прошлом году в Эммануэль Колледже, католическом университете Бостона. Одна студентка, считая, что ведет интимную беседу со своим дружкой, согласилась раздеться и ласкать себя перед веб-камерой. И очень сильно просчиталась. За камерой находился вовсе не ее жених, а мошенник, который воспользовался его данными. Мерзавец заснял девушку и начал ее шантажировать. Он потребовал от нее большую сумму денег за то, чтобы не распространять видео. Подтверждая угрозу, он разослал этим же вечером отдельные кадры видео нескольким ее знакомым. Раздавленная стыдом и последствиями своего недомыслия, девушка покончила с собой – ее нашли утром следующего дня повесившейся у себя в комнате.

Вспомнив об этой трагедии, Мэтью вздрогнул. Почувствовал, как по спине у него побежала струйка холодного пота.

«Я проявил преступное легкомыслие», – упрекнул он себя снова.

Поразмыслив хорошенько, он пришел к выводу, что предпочел бы, чтобы эта женщина была рядовой мошенницей. Но, скорее всего, это душевнобольная. «Если она абсолютно уверена, что живет в 2010 году, то она по всем признакам не может быть в здравом уме и твердой памяти».

А значит, она потенциально опасна.

Мэтью составил список всего, что успел сообщить опасной незнакомке: свое имя и фамилию, улицу, на которой они живут, университет, где он преподает. Она знает также, что у него есть дочь четырех с половиной лет, что он бегает в парке утром по вторникам и четвергам, что его дочь посещает школу Монтессори, и еще она знает, при каких обстоятельствах он потерял жену...

«Она знает обо мне фактически все...» Во всяком случае, достаточно, чтобы уничтожить его, если будет этого добиваться. Уничтожить или причинить вред. Ему или Эмили. Мэтью стало страшно. Он почувствовал: своими собственными руками он поставил свою жизнь под угрозу.

«Хватит, ты же не параноик», – одернул он сам себя. Разумеется, он больше никогда в жизни не услышит об этой Эмме Ловенстайн, но зато нелепая история послужит ему в будущем уроком.

Мэтью поставил на поднос чашку, которую ему протянула Эйприл, и решил больше не вспоминать о допущенной глупости.

– Давай, мышонок, пей свое какао!

* * *

– Улыбочка!

Час спустя Эйприл фотографировала Эмили и Мэтью перед входом в «Тойз Базар», один из самых больших магази-

нов игрушек Бостона.

Расположенный на углу Копли-сквер и Кларендон-стрит, этот магазин – воистину земля обетованная для бостонских ребятишек. А за неделю до Нового года и вовсе рай: музыка, анимация, раздача конфет...

Эмили протянула одну руку папе, другую – Эйприл, и они вошли. По обеим сторонам двери с раздвигающимися створками стояли персонажи из «Макса и Максимонстров», приветствуя входящих и раздавая им леденцы. Эмили, Мэтью и Эйприл бродили по первому этажу, переходя из секции в секцию, и с восторгом рассматривали игрушки. Верхние этажи предназначались для развивающих игр и игрушек хайтек (машинки с радиоуправлением, с голосовым управлением, говорящие куклы, электронные игры). Внизу располагались привычные, традиционные: плюшевые звери, деревянные игрушки, куклы, конструкторы Лего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.